СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+
СТАНУ
СОЛНЦЕМ
Для тебя
Никтория Мазуровская

Никтория Мазуровская
Стану Солнцем для Тебя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48774966
SelfPub; 2019

Аннотация

Возможно ли влюбиться в одного и того же человека дважды? Или любовь никуда и не уходила, просто затаилась на время, готовясь к иному своему проявлению, но уже чуточку другому? Маришка ответы на эти вопросы не знала и узнавать не собиралась, пока в её жизнь вновь не ворвался Он… Много лет назад Он совершил самую страшную ошибку в своей жизни и теперь, спустя годы, пытается все исправить, заслужить доверие, завоевать любовь.Содержит нецензурную брань.

Содержание

ПРОЛОГ 4
ГЛАВА 1 12
ГЛАВА 2 31
ГЛАВА 3 53
ГЛАВА 4 73
ГЛАВА 5 89
Конец ознакомительного фрагмента. 106

ПРОЛОГ

Два месяца назад.

Снова его жизнь окунает в дерьмо по самые уши. Хотя нет, не так. Жизнь окунула его в дерьмо по самую макушку, но он, наученный этой самой подлой су*ой, имеет при себе целый набор юного аквалангиста.

Вопрос в другом, какого хрена он сидит сейчас в своем гребаном кабинете, выкуривает уже десятую сигарету и, при этом, не ощущает вкуса никотинового говна? Почему сидит и ничего не делает? Хотя, так и тянет перевернуть все вверх дном! Разнести к чертовой матери весь кабинет, пойти надраться в ближайшем баре до такой степени, чтобы и мать родную не узнал.

Нет, если бы увидел мать, то допился бы до белочки. А это сейчас не вариант. Правда, что будет правильным вариантом, тоже сказать не мог.

Но который час уже сидел и дымил, как паровоз, пялясь на экран компьютера.

Заперся в собственном кабинете, отменил утреннюю планерку и совещание с главами отделов, отменил все встречи, конференции, – все оказалось не важным, кроме одного.

Мудак он по ходу.

От дыма начинало в глазах слезиться, пришлось откры-

вать окно, кондиционер не спасал. Ну и хр*н бы с ним, с этой железякой!

Тело затекло от долгого сидения в одной позе, и, хоть внутренней обстановкой занимался дизайнер, который уверял, что совместил тут не только стиль, но и комфорт, как-то пока особо этот самый «комфорт» ощущался хре*ово.

Прошелся вдоль сплошь стеклянной стены. Туда и обратно, потом снова.

Окинул взглядом кабинет,– все по высшему разряду: стильно, функционально. У него не было привычки захламлять свое рабочее пространство: не считая необходимой текущей документации, на столе ничего и не было. Компьютер, и так, по ящикам распиханные необходимые канцелярские мелочи. Ни рамок с фотографиями, ни каких-то, милых сердцу, безделушек.

Не будь он таким, какой есть, наверное, на столе красовалась бы одна рамка с фотографией. С фотографией его сына!

Вот взять Димку. Костя его сто лет уже знает. У того на столе так и оставалась стоять фотография Тани, несмотря на то, что они на грани развода, что Танька уехала. Фотография стояла на своем месте.

И где-то глубоко внутри, Костя Диме завидовал, по-хорошему так. Они с Таней потрясающая пара: взаимная любовь и вся остальная бодяга, связанная с этим делом. Таня ему всегда казалась очень разумной, домашней. Не домохозяйкой конечно, не с ее мозгами дома сидеть и не работать, а

мудрой, что ли.

В его, Костиной, жизни женщины были другие. Все сплошная подделка и пафос, каждая с желанием его хорошенько отыметь во всех смыслах этого слова: что физически (он, кстати, всегда только за), что материально (вот тут начинались проблемы). Расплатиться за качественный секс колечком, шубкой, браслетиком, пожалуйста, но на этом все. Никаких свадеб, невест, штампов в паспорте. Это уже без него, увольте.

На примере своего горячо любимого брата он понял, что ни одна баба, не считая, Тани, не достойна, чтобы ей доверять настолько, что можно задуматься о женитьбе.

Костя снова вернулся, после своих метаний по кабинету и опять пялился в экран компьютера.

На самом деле, утро не предвещало ничего особо страшного.

Да, была пара дел, которые к обеду нужно было закончить. Они открывали филиал в другом городе, и это требовало заполнения многих бумажек, бланков оформления, бланков разрешения и еще кучи всяких документов.

В это время он, как никогда, честно жалел, что Таня больше не работает под его началом. Она в таких делах незаменима, это ее призвание: в тонне бумажного мусора вычленять самое нужное, важное, и, исходя из приоритета, выполнять все остальное. У него такого таланта не было, зато был целый штат дармоедов, для этого предназначенных, и все они с

утра пытались прорваться к шефу, то есть к нему, но все зря.

Оказывается, помимо работы и верных друзей, существует еще третья категория людей или причины, из-за которых он способен послать всех и вся на три известных матерных буквы.

Семья. Получается, у него все же есть семья!

Девять лет назад погибла вся его семья. Не сказать, чтобы у них были охренеть какие семейные отношения, взаимоуважение и любовь, но они были все-таки его частью, дали ему жизнь.

Костя рос в семье, где в принципе преданность, как понятие, не существовало. Его родители больше любили младшего сына, обожествляли его, пророчили великое будущее адвоката. Отец назвал младшего сына в честь себя любимого, чертов эгоист, а мать никогда отцу не возражала.

Но родители просчитались. Лешка рос очень тихим, послушным мальчиком. Но стоило этому послушному мальчику влюбиться и довериться женщине, как все закончилось. Да там и не женщина была, а так, проблемный подросток, панкующий наркоман в юбке. Лешка все ее спасти пытался, излечить, верил ей. Оказалось, что спасать надо самого Лешку. Он тоже подсел на иглу, но Костя узнал слишком поздно, когда вскрытие показало, что его брат был обдолбанным за рулем машины, которая вместе с его родителями влетела в бетонное ограждение.

Так он лишился семьи!

Вся эта предыстория была к чему? А к тому, точнее к тем, кто у него оставался на протяжении этих девяти лет, а он и знать не знал.

Девять лет назад он для себя решил, что ни одна баба никогда не заслужит его доверия настолько, чтобы открыться и довериться, обнажить все нутро.

Сказано – сделано.

В его жизни была одна девушка – Маришка.

Одно ее имя до сих пор вызывало на губах улыбку.

Она была, как солнышко – светлое, немного взбалмошное, улыбчивое, сияющее солнышко. Носила длинные темные кудри, но на ощупь они казались очень нежными, мягкими.

Несмотря на прошедшие годы, Костя ее помнил. Не то чтобы тосковал, чтобы любил, но да, иногда вспоминал, как ту самую женщину, которая могла его «подсадить на иглу», поставить на колени.

По правде говоря, он трус. И расстался с ней очень некрасиво. Поменял сим-карту и больше в ее жизни не появлялся. Намеренно не давал себе думать, вспоминать о ней. И все эти годы она была видением, что иногда снилось ему по ночам, и далеко не всегда эти сны были целомудренными.

Единственная женщина, что так будоражила ему кровь. Рядом с ней он забывал обо всем, о защите в первую очередь. И только сейчас его прошибло холодным потом от понимания реальности того, что он натворил по глупости и эгоизму.

Чего сам себя лишил.

На корпоративный адрес его почты пришло странное письмо от пользователя «Umka». Странный ник, с намеком такой. А содержание еще хуже. Фотография и одно предложение: «Твоего сына зовут Илья».

Ну и сама фотография.

Не узнать Маришку нельзя, даже через столько лет. Да, она изменилась, из кокетки превратилась в очень элегантную, красивую, даже утонченную женщину. Ей необычайно шла короткая стрижка каре, темная помада и деловой костюм.

Женщина присела на колени перед мальчиком, которому поправляла галстук-бабочку. Она улыбалась, голубые глаза с серым отливом светились весельем и любовью. Смотрела на мальчика снизу вверх, и радостно что-то говорила, улыбаясь.

Правда, язык не поворачивается назвать этого серьезно нахмурившего брови парня, мальчиком, скорей это такой маленький мужичок, которому не по душе, что мама поправляет ему бабочку и хочет отправить обратно на школьную линейку слушать зануду директора.

Илья был рыжий, как и сам Костя, правда, веснушек у парня было намного больше. Немного тощий, но жилистый. А еще очень…, слово трудно подобрать, но даже через фотографию было отлично видно, можно было прочувствовать, что этот сероглазый парень очень умный, будто жизнью наученный, с опытом. Хотя, какой может быть жизненный

опыт у восьмилетнего мальчика?

Костя сразу поверил, что Илья его сын. Сразу!

Черт, это же его копия в детстве! Правда, таким умом во взгляде сам Костя точно не отличался, а в остальном, как под копирку срисовано.

И это пугало. Сильно.

Костя в этом ребенке увидел часть себя, сразу признал его своим.

Но пока не представлял, что и как вообще ему делать, как действовать.

У Маришки много причин для злости и даже ненависти, если вспомнить о том, что он ее из жизни вычеркнул беременную, столько лет не появлялся.

С Маришкой ладно, разберется. Если потребуется, даже через суд добьется разрешения общаться с сыном.

Но вопрос был в другом. Захочет ли сам Илья общаться с ним?

Ему требовалось время все обдумать, а еще стакан водки, или виски, чтобы успокоиться. Сердце бухало, как ненормальное, будто кросс бежал, а не сидел, развалившись в кресле.

Снова хотелось курить.

Потянувшись к пачке, заметил, что пальцы нервно подрагивают.

– Твою мать! – гаркнул, и одним махом смахнул все со стола на пол.

– Аня! – нажал на кнопку коммуникатора, – Вызови Зинаиду, пусть уберется у меня в кабинете, и предупреди Дарчиева, что я сейчас к нему зайду!

Кажется, у Кости уже начал складываться план в голове. Ничего сложного не намечалось, но начать нужно было со сбора информации о Маришке.

Распечатал фотографию на принтере, чтобы захватить с собой.

Не зря у них в компании трудится Руслан Асланович, пригодились его навыки носом землю рыть.

А еще Костю очень интересовала личность щедрого волшебника, который так любезно подкинул ему информацию, но назваться или представиться не пожелал. И ничего не потребовал за информацию.

Бескорыстной бывает только любовь или дружба, и то не всегда. Попроси этот «Umka» денег, и гадать не требовалось насчет его выгоды и мотивов,– все предельно ясно. Теперь же придется еще этого доброго самаритянина искать и выяснять что, да зачем.

ГЛАВА 1

Марина очень любила приходить на работу немного раньше обычного, не к девяти, к восьми, например, если выпадала такая возможность. Она отвозила утром сына в школу, а потом, после, сразу ехала на работу. По пути всегда забегала в кофейню и брала кофе на вынос, американо со сливками. Горячий, свежий, вкусный, без сахара.

А потом, прогулочным шагом, не спеша шла к офису, наслаждаясь кофе, смотрела на, бегущих по своим делам прохожих, настраивалась на очередной сложный рабочий день.

Утро всегда было для нее неторопливым, – не любила суету, именно в это время, начинающегося дня.

Вот и сейчас, не спеша, и даже немного по-царски, медлительно, как любит повторять ей мать, она шла к посту охраны в огромном комплексе Москва-Сити башни «Империя», чтобы предъявить пропуск, пройти через металлодетектор и выслушать очередной комплимент от добродушного охранника Толи.

Потом поднимется на лифте на пятнадцатый этаж, вежливо кивнет администратору, своим помощникам, которые уже на месте, и на пять минут исчезнет для всего мира.

Это ее очередная маленькая прихоть, еще один способ доказать себе самой, что она имеет право на все это, и никто

в мире не может отнять у нее то, что по праву принадлежит именно ей.

Давно привычным жестом поставит сумку от Chanel на специальную тумбочку, кинет портфель с бумагами на рабочий стол, подойдет к окну во всю стену и, отодвинув чуть в сторону тяжелую портьеру, уставится вниз, задумчивым, на сей раз, взглядом.

В этом ее наблюдении не было ничего суицидального, как однажды заметил один ее друг, шутя, но при этом, слегка за нее волнуясь. Просто она любила наблюдать за городом, за людьми.

Почему-то это ее завораживало: с такой высоты наблюдать как люди и машины, маленькими точками носятся туда-сюда. Окна выходили на Кутузовский проспект, старые здания, дворы, а с другой стороны Москва-река, паромы, речные трамвайчики.

Но все же больше ее волновали люди.

Серая масса, будет точнее.

Середина жаркого лета. И уже в такое время на улице было невыносимо душно, а люди будто специально старались одеваться безлико, не ярко. Складывалось ощущение, что у большинства таких людей серая противная зима со слякотью в душе, но уж никак не лето.

Ее подруга,– вот уж кто никогда не будет зваться серой массой, хотя серый цвет ей очень даже шел к лицу и нравился,– никогда не терялась в толпе. Что удивительно, при ее

маленьком росте, но яркую блондинку не заметить нельзя.

Марина таких людей уважала, за этот вызов серому и унылому обществу, попытку не быть, как все в толпе, а стать самим собой, настоящим. Так вот, она говорила порой очень умные мысли о социуме, в целом.

Москва проглатывает таких серых, которые забывают собственное я, уподобляются другим. Даже те, кто ярко красит губы в немыслимые оттенки, носит довольно необычную одежду с убийственными принтами…даже такие люди все равно остаются серой массой, потому что они, как все, стремятся выделиться, запомниться, но увы, не стремятся быть собой, показать всему миру, что «вот какой я на самом деле», а просто подстраиваются под остальных.

Марина была согласна с таким мнением, сама считала так же.

Этот город, по своей сути, довольно жестокий, и проглатывает, а потом, прожевав, выплевывает обратно в массы, еще более обезличенными, чем прежде.

Но кому-то так нравится жить, большинство такое положение вещей устраивает. Только не Марину!

Она в свою команду таких людей не брала. Под ее началом работало много людей, и на них ей было не все равно. С большинством она работала недолго, не больше года,– столько ее команде требовалось времени, чтобы привести все в порядок и заключить сделку.

Но вот ее команда, включая даже личных помощников,

это были сплошь неординарные люди с незаурядным умом, чувством собственного достоинства, идущие по жизни с какой-то мечтой или целью…

В эти пять минут размышлений-наблюдений ее не трогали, не соединяли ни с кем. Нет, были исключения, но даже эти исключительные люди знали про пять минут, и предпочитали разговаривать с ней после того, а не до, и уж тем более, не во время.

А сегодня, точнее с сегодняшнего дня, они все вышли на финишную прямую, и то напряжение которое вот уже полгода витало в офисе, буквально стало потрескивать.

Но она ожидала отмашки от Тани, та к сегодняшнему дню обещала проверить до конца весь договор и дать свое добро. И тогда они, наконец, подпишут этот чертов договор, и Марина сумеет отдохнуть хоть чуток, избавиться от одной головной боли, чтобы приступить к новой, еще более сильной.

Так и жила. Такая у нее работа.

Быть специалистом в своем деле очень трудно, но она за годы сделала себе имя, сколотила свою команду и все уже работало, как часовой механизм, но все же предпочитала не только руководить, но и принимать участие.

Работа ее состояла в том, что она умела продавать. Но не машины, квартиры и землю, хотя и такое в ее жизненном опыте имеется. Она продавала компании, целые предприятия, банки.

Но, это не главное. Она умела подчищать дерьмо за дру-

гими так, как этого не умел делать никто.

Создать репутацию захудалого предприятия или не совсем чистого банка? Да пожалуйста. Это ее главная задача. Делать репутацию, очищать имена хозяев от грязи и дерьма, а потом втюхивать кому-то за такие деньги, что от числа нулей, после запятой, статистическому человеку захотелось бы грохнуться в обморок или перекреститься.

Ее команду, как и ее саму, нанимали именно для этого.

И такая работа требовала времени, ювелирной работы, кучи потраченных нервов…

Она два года готовила этот банк к продаже, два года! И уже не верила, если откровенно, что затея окупится полностью. Но англичане слово держат, договор прислали не с посыльным, а с будущим гендиректором, что наводило на определенные мысли и давало гарантии, что сделка состоится.

А она получит свои комиссионные,– не то, чтобы у нее не хватало денег для своих людей и себе на жизнь, но с ее главбухом они пахали столько, не ради «спасибо». О своих людях она беспокоилась и предпочитала, чтобы они могли позволить себе ту жизнь, которую хотят и заслуживают.

О себе она уже давно перестала беспокоиться, единственной ее заботой был сын.

Ее зазноба, кровиночка и лучик света.

Отвезла сегодня его в школу, а у самой на душе камень лежал и все душил, не давал спокойно вздохнуть.

Иногда ей казалось, что она плохая мать. Мало времени

ему уделяет, мало с ним говорит.

Но такие мысли сразу приходилось гнать от себя прочь, иначе за ними потянутся другие, еще темнее, еще мрачнее. У нее не было права сомневаться в себе, потому что, если дать хоть чуточку слабины, ее сожрут если не конкуренты, то собственные мысли и тараканы.

Так уж сложилась ее жизнь: либо она ее, либо ее кто-то.

Гнать от себя нужно все, гнать. В прошлом копаться -только душу себе рвать, его не изменить, не исправить. И она всегда будет помнить, что есть двадцать три минуты ее жизни, которые ничем не заполнить, не вырвать из памяти, из нутра. Они всегда с ней, в ее мыслях, в ее сердце. Всегда!

Но, сейчас впереди новый день, новые заботы, и, возможно, новая встреча.

Ничто так не страшит, как ожидание чего-либо, и не важно наказание или, наоборот, поощрение, встреча или расставание. Ждать хуже всего.

Она держалась из последних сил, ожидая. Накручивала себя до предела, внутри пружина, гляди, лопнет от того, как сильно Марина ее в себе закрутила. Но, пока держалась, ждала.

Каждый день этих двух месяцев ждала, готовилась, но боялась, что недостаточно. Порой, ей выть хотелось от безысходности, от чертового напряженного ожидания, какого-то душевного запустения.

Илья стал кидать на нее более внимательные обеспокоен-

ные взгляды, хмурился задумчиво. То ли сам ожидая, то ли ему просто она такой не нравилась. Но, пока молчал, не говорил…

Тихо отворилась дверь кабинета и по шагам она определила, что зашел Андрей, ее зам. Подошел, еле слышно ступая, стал за спиной, тоже смотря вниз, на людей:

– Я уже говорил, но повторюсь, в такие моменты мне становится страшно.

Она видела в отражении стекла его внимательный взгляд, чуть обеспокоенный, но не такой, на который следовало бы реагировать.

– Бумов ответил?

– Хочет с тобой встретиться, – недовольно проговорил и отвернулся от окна, отошел и приземлился на стул для посетителей.

Она повернулась вслед за ним, выбросила пустой стаканчик от кофе, и подняла внимательный взгляд на своего партнера и друга.

– Что тебе не нравится?

– Он этот завод в приватизацию взял, когда Завищенко упекли в места не столь отдалённые, и мне кажется, упекли не без его помощи.

– Тебе кажется или ты уверен?

Это было принципиально, и Андрей это прекрасно знал. С самого начала, когда они только начали формировать свое дело, оба, не сговариваясь, решили, что никакого откровен-

ного криминального контингента у них в клиентах числиться не будет. Но, кто из тех, что начинали свое дело в девяностых и в начале двухтысячных, были абсолютно чисты? Правильно, никто. Поэтому, они проверяли каждого клиента, потенциального и уже

состоявшегося, проверяли досконально, чтобы не подкопаться было. И если что-то находили, не отказывались, нет, выгребали всю грязь, марались по самые уши, не всегда действовали законно, но исправляли прошлое настолько, насколько это, вообще, можно было сделать. Естественно с убийцами, насильниками или еще что-то в этом роде, они не работали,– отказывали, не задумываясь. Но с финансовыми махинаторами, бывшими рэкетирами, и так далее, работали.

У каждого бизнесмена первый миллион зеленых бумажек заработан нечестным путем, главное, чтобы все остальные были заработаны по-другому.

Андрей долго молчал, хмуро ее разглядывая, но предпочел тему перевести, потому что информации накопал недостаточно:

– Когда ты уже Татьяну к нам переманишь, а? Надоело мне уже вместо Алины быть, – как и всегда, предпочитая избежать конфликта, включал веселого балагура, – Мне своих дел хватает.

– А ты сам с ней поговори, может и согласится, – она Тане и предлагать такое пока боялась, у той и так проблем хватало, но на переезд уже ее настраивать начала, а там, глядишь,

и с работой подсуетится.

– Если уж она тебя не слушает, то я для нее совсем не авторитет. Дави на нее сильней, что ли.

Тон его был веселым, но оба понимали, что кадровая перестановка им была жизненно необходима. Предателей в своих рядах они не любили, и были очень разочарованы, когда поймали Алину на сливе информации. А Таня, она проверенная, надежная, и самое главное, очень толковая в своей сфере.

– Она все же моя подруга и давить на нее я не буду.

Хотя надо бы, это Марина понимала лучше кого бы то ни было. Ее место здесь, в этом городе. И Кириллу будет лучше в Москве. А еще, Дима тоже был здесь, пусть сама она с ним общалась мало, но то, как он смотрит на Таню… так никто и никогда не смотрел на нее саму. И Марина собиралась все же поднажать, такой уж Таня человек. Ее надо толкать, пока она упирается, но, как только перестанет, лучше остановиться, дать ей оглядеться, и тогда она примет верное для всех решение.

– В первую очередь, Марина, она очень толковый юрист, у нее есть опыт руководителя и о наших с тобой делах она знает практически все. Идеальная кандидатура.

– Я поговорю с ней, доволен?

– Да. – мужчина кивнул, но уходить пока не собирался, – Может расскажешь уже?

– Что расскажу?

Подсознательно она предвидела такой тон и такой разговор, очень уж они хорошо друг друга знали, но слишком сильно друг друга уважали и, без веского повода не лезли друг другу в душу.

– Я все думал, что дело в работе, но нет. По глазам вижу. Дело личное, и дело в мужике.

– Не лезь не в свое дело! – резко сказала, но запал быстро схлынул, – Пожалуйста.

– Точно! – он весело хлопнул ладонями по коленям, – Охренеть! А я думал, ты монашка.

– Я тебе сейчас по зубам дам совсем не по-монашески, договоришься!

Мужчина поднялся, весело посмеиваясь, кинул на нее еще пару любопытных взглядов, но все же ушел, больше ничего не говоря. Но вернулся довольно быстро:

– Так что мне с Бумовым делать? Пускать наших, пусть землю роют дальше или и так на контакт пойдем?

– Пусть роют, но аккуратно, Андрей, слышишь, аккуратно, – он кивнул, но ждал продолжения, – Но на контакт пока я с ним не пойду, езжай сам, и деликатно ему намекни, что ему лучше самому покаяться тебе во всех грехах, как батюшке, потому что, если на встрече со мной всплывет какая-то неожиданность, он и его завод могут пойти в очень интересное путешествие по нашей необъятной Родине-Матушке.

– Вас понял, приказ ясен! – шустро отрапортовал и исчез за дверями…

Дальше день прошел, как обычно.

Несколько важных звонков, одна деловая встреча во время обеда. Съездила в банк, который они сейчас готовили к продаже англичанам.

Работать с иностранцами она не любила, просто терпеть не могла. Все же русский менталитет он даже на бизнесе сказался. Ну, не было в стране нашей, крупных предпринимателей с чистой, кристальной репутацией, прошлым и настоящим. Не было. Да и в Европе тоже, если уж честно.

Просто там привыкли все прятать, да так глубоко, что землю рой, хоть годами, а не найдешь где собака зарыта. Скрытные они, за свое белое имя убить способны, и убивали.

Люди,– они везде люди, что здесь, что там. Но там убить могут, как раз не из-за денег, а из-за тени на репутации. Что для нее было дико, не понимала такого. Точнее, понимала, но не принимала.

Но лицемерила все же, именно на таких клиентах они с Андреем сколотили нехилое состояние. Этому их обучили, точнее заставили научиться. А они, не будь идиотами, как только свободу получили, как оторвались от материнской юбки, решили, что нечего таким талантам пропадать и открыли свое дело. Не сказать, чтобы все с самого начала заладилось, но так и не бывает.

Окинула взором офис, задержала взгляд на дорогой сумке, посмотрела на свое отражение в окне.

День пролетел, а она и не заметила, только усталость чув-

ствовалась. Смотрела на свое отражение, вглядывалась в тени под глазами, в бледную кожу. А видела красивую женщину, которой не дашь тридцать с хвостиком, лет.

Короткие темные волосы обрамляли лицо, делая его черты еще более интересными и выразительными. У нее было не кукольное личико, но довольно интересное, пикантности во внешность добавляли выразительные глаза и родинка на лбу. В юности она ее стеснялась, за челкой прятала, а сейчас и подумать о таком не могла.

После родов, ее фигура не сильно изменилась, если только женственнее стала и все, ну да, грудь перестала быть упругой, приобрела мягкость какую-то, что ли.

Черное платье футляр, босоножки на каблуке, красная помада на губах.

Ни дать, ни взять,– роковая женщина!

Хмыкнула своему отражению, не желая поворачиваться на, вошедшего в кабинет помощника. Она, по его растерянному лицу поняла, что время ее ожидания закончилось, пришел момент встречи.

Ладони вмиг похолодели, стали потными, влажными, противными. По спине также пробежался холодок, до того неприятный, даже мерзкий, что она вздрогнула. Но была рада, что, маячившему за спиной Николая, мужчине, ее было не видно, что не заметил позорной минуты слабости, когда она была растеряна и не готова к встрече.

Кивнула Николаю и тот отступил, пропуская мужчину в

кабинет, тихо осведомился о кофе/чае и исчез за дверью.

Все же у нее очень понятливые помощники. На вес золота, прямо…

Кто бы знал, как же она не хотела видеть его, как не желала снова свою жизнь связывать с таким мужчиной, как Костя. Только они и так были связаны настолько крепко, что ни в жизнь не разорвать.

И голос этот слышать не хотела. Потому что, услышав его:

– Ну, здравствуй, моя царица! – по ее коже, как наждачной бумагой прошлись. Так невыносимо приятно, и одновременно ненавистно было ощущение из прошлого.

Ненавидела этот голос так же, как и свою реакцию на него.

– Зачем пришел? – единственное, что смогла из себя выдавить. Она не злилась, нет, не была в бешенной ярости. Пусто внутри было, просто пусто. Выжгло там все давно. Он чужим ей стал. Но, двадцать три минуты вернулись, и сейчас ощущались слишком живо, будто вчера. И она от боли задыхалась, подыхала, захлебывалась. А все из-за него, он всколыхнул.

– Поговорить о своем сыне пришел.

Костя. Раньше она его звала Костя. А сейчас не могла. Язык не поворачивался.

Чужой!

Мужчина внимательно следил за ней, прошел в глубь кабинета, не осматриваясь, даже. Просто целенаправленно двигался к ней, к ее столу, и застыл возле стула. Садиться

не собирался.

– Ты не выглядишь удивленной! – тихо заметил, но в голосе слышалось такое яростное бешенство, что, если спустить эмоции с поводка, не выживет никто.

– Сын? – неприятная усмешка перекосила ее губы, – Сын? А ты, значит, теперь у нас отец?

Она нарочито спокойно говорила с ним, знала, что так будет лучше. Но, Господи, что у нее внутри творилось, лучше не знать никому!

Взбесил его обвиняющий взгляд, тон. Взбесило его появление, будто она виновата перед ним, будто специально прятала Илью от него. Он святой, а она падшая!

– Он мой, я это знаю! – рыкнул, – Мой!

– А я разве утверждаю обратное? Твой, и что с того? Тебя это делает отцом, Костя? Ты всего лишь биологический фактор, не более. Ты пустое место, не отец для Ильи.

– Он сам мне прислал фотографию, он хотел, чтобы я появился!

Эти слова ее ударили. О да, она прекрасно знала это. Ее ребенок рос очень добрым, открытым, любящим всех и вся. Но отца, которого у него не было, он любил по-особому, и хотел, чтобы он, наконец, у него появился.

Марина все это знала, как знала и то, что никогда не запретит сыну общаться с отцом. Не имела права, точнее имела, но была не вправе так поступать с Ильей. Он не поймет, возненавидит. А этого она хотела меньше всего. Но сейчас

не смогла смолчать. Ярость ее душила, затмевала все.

– Он тебя не знает! А ты, гнида, трус и предатель, подумай сам: что, с такими качествами своего бл*дского характера, ты можешь дать своему сыну? Какой пример отцовских поступков ты можешь ему показать? – она видела, что от ее слов его перекосило, видела, что делает ему больно, но остановиться не могла. – Все эти восемь лет его жизни ты жил в свое удовольствие, даже не представляя, что где-то в этом городе у тебя есть сын! Плевать тебе было на него, что сейчас, что раньше!

– Ты не права!

– Я права! – ее голос звенел, – Это все задело твое непомерно большое эго! Как же так, она скрыла от меня моего сына, мой друг скрывал от меня правду?! Чувствуешь себя преданным, оплеванным, да?

– Нет, я чувствую, что ты дура, которая при всей своей крутизне не способна обезопасить своего ребенка, как должно!

Она сорвалась. Не хотела, но сорвалась. Не кричала, а шипела, глядя в наглое лицо этого сукиного сына:

– Мой ребенок в безопасности и под постоянным присмотром! Ты узнал о нем какую-то информацию, потому что я позволила это сделать! Ты смог наблюдать за ним возле школы потому, что я позволила это сделать! Ты пришел сюда, узнал обо мне много интересного, потому что это я в течении двух месяцев твоей нерешительности позволяла тебе

подсматривать за нашей жизнью и ждала, когда же ты наберешься, наконец, смелости и придешь сюда поговорить о МОЕМ сыне!

Каждым произнесённым словом, она его убивала и видела это, наслаждалась этим. Потому что он заслужил именно такой прием. Потому что, сдержись он, она бы тоже не стала говорить все это. Ради сына, ради его счастья она позволила бы Константину остаться в их жизнях без каких-либо препятствий, но теперь пусть получает.

Но, на этих словах ее силы кончились, ее выдержка дала трещину. Она опустошенно села в свое кресло, сбросила босоножки на пол и перевела, наконец, дух.

Из-под опущенных ресниц наблюдала за сменой выражения на лице Кости, подмечала, для себя, значимые детали.

Теперь он выглядел иначе. Уверенный в себе, даже слишком. Немного постаревший, с морщинами на скуластом лице. В серых глазах не было запомнившейся ей много лет назад бесшабашности и веселья. Теперь там куча сомнений в себе, в жизни, в ней. Запрятанная глубоко внутри боль от потери родителей, от разочарования в себе.

Она подмечала это, видела, да и он не слишком старался все это спрятать. Смотрел на нее, сломленный. И может, ей показалось, но смотрел умоляюще, прося не прощения, но попытки доказать, что он станет Илье отличным отцом.

Позволял ей всю душу наизнанку, изучающим взглядом, вывернуть. Смиренно показывал, что сожалеет обо всем.

Что ему тоже больно от собственного эгоизма и ошибок прошлого. И она поверила почему-то.

Марина не знала, как реагировать на такое. Готовилась совершенно к другому мужчине, готовилась к обвинениям, упрекам. Подготовила речь в свое оправдание и в его обвинение. Но почему-то молчала сейчас, не решалась все высказать.

Жизнь и его потрепала хорошенько, она специально узнавала. Отчасти понимала его, даже, не то, что сбежал, а то, почему сбежал, из-за чего.

Но простить нескончаемые вопросы сына где его папа, и почему его папа его не любит…этого никакая мать простить не сможет!

– Я не буду запрещать тебе видеться с ним и общаться, – его глаза загорелись каким- то огнем, что даже ей внутри стало теплее, – Но Костя, между нами это ничего не меняет. Если ты его обидишь, если рядом с тобой ему будет плохо… Я сделаю так, что тебя не станет, ты исчезнешь из нашей жизни раз и навсегда.

– Не стоит мне угрожать.

– Я не угрожаю, а предупреждаю. Ты со мной можешь поступать, как тебе вздумается, мне плевать на тебя абсолютно. Но Илья всегда мечтал с тобой познакомиться, и я не хочу, чтобы он разочаровывался.

– Почему ты не пришла раньше ко мне? Почему скрывала?

– А ты сам не знаешь? Давай честно! Ты спал с женщиной, не предохранялся, и что, даже мысли не допускал, что она может залететь? У нас с тобой столько секса было, что не у каждого в жизни столько бывает, а ты и не подумал о последствиях? Не поверю в это никогда! Идиотом ты никогда не был, а вот сволочью да, был и остался. Ты подсознательно думал, что я избавлюсь от проблемы, если такая появится. Только ошибся, избавляться я не стала, но и тебя осчастливить не спешила.

– Не слишком ли ты прозорлива?! – угрожающе пророкотал, – Я всего лишь хочу быть частью его жизни, вот и все! И с тобой воевать не хочу и не буду. Ты подарила мне сына, и, честно, мне плевать, что я узнал только сейчас. Главное, что узнал, что еще могу заслужить его доверие и любовь. Вот, что мне нужно!

– Все это пока слова, и скажу, я тебе не верю. Но решать будет Илья, и думаю, его решение ты и так уже знаешь.

– Как и ты.

– Как и я.

– И что дальше? – он подошел ближе, облокотился ладонями о стол, нагнулся чтобы видеть ее лицо лучше, – Что будет дальше? Мне нужны какие-то рамки, я не хочу ошибаться и очень надеюсь, что ты мне поможешь.

– А дальше, ты будешь узнавать его, учиться общаться с ним, понимать его. Не все так просто, как ты думаешь.

– В каком смысле?

– Твой сын очень умный, и когда я говорю очень умный, то именно это я и имею в виду. Общаться с ним нелегко, еще трудней его понимать. Мне понадобились годы, чтобы научиться вести себя правильно, у тебя будет пара недель.

Мужчина ошарашено смотрел на нее глазами, полными то ли ужаса вперемешку с радостью, то ли наоборот, даже несколько испуганно, но и решительно при этом.

– Поехали!

Она поднялась со своего места, обулась. Голова от волнений и от усталости звенела набатом в ушах. Хотелось есть. Кинула документы в портфель, подхватила дамскую сумочку, и застыла возле дверей, поджидая, пока опешивший и удивленный мужчина, последует вслед за ней.

– Куда? – хрипло спросил.

– Знакомиться с сыном!

ГЛАВА 2

В жизни у каждого человека наступает момент, и не единожды, когда его собственные ожидания, в отношении других людей или каких-то ситуаций, не оправдываются. И ты теряешься в своих обидах, замыкаешься, начинаешь сомневаться в людях, тебя окружающих, ищешь оправдания себе, но не другим.

Вот и у Кости настал один из тех жизненных моментов, когда он был очень разочарован в собственных ожиданиях, но при этом, почему-то, был даже немного рад.

Он ждал от этой встречи несколько другого итога. Ждал ругани, оскорблений, скандала. Так ведут себя все обиженные женщины. Он на своей шкуре испытывал, и не раз, что это значит: обидеть женщину, и платить по счету за каждое свое слово, поступок и так далее.

Тем удивительней ему была реакция Маришки.

Она его не то, что удивила, она его взбесила нах*ен, своим спокойствием, своим безразличием.

Костя помнил ее совершенно другой. Абсолютно. Раньше, то была искрометная, легкая на подъем девушка, которую он хотел до боли в паху, до потных ладоней, до пульса в висках.

И она его хотела не меньше. Маришка, как кошка к нему ластилась, бесстыдно терлась, соблазняла, горела тем внут-

ренним огнем, которым может гореть только влюблённая женщина.

Он от этого сходил с ума, вплоть до того, что мог прижать ее в темном углу и взять прямо там, на лестнице гостиничного комплекса, где они отдыхали. И такое в их совместной биографии было.

А что сейчас?

Холодная, отстранённая, закрытая настолько, что пальни из базуки,– броню не пробить. По крайней мере, он почему-то уговаривал себя, что это все же броня, именно она. Ему было невыносимо представить, что он один, и никто другой, может быть виноват, что та женщина, которую он помнил, оказывается, все эти годы, давно канула в лету, выгорела, прекратила существовать.

Чертовски горько ему становилось от таких мыслей.

Еще больше не слишком приятных эмоций ему добавляли ее взгляды. Настороженные, опасливые. Будто он часовая бомба и вот-вот рванет.

Они ехали то всего двадцать минут, а ему уже хотелось от этого напряженного молчания в салоне машины застрелиться, ну или лучше выпрыгнуть из авто на ходу, и плевать, что там дальше произойдет.

Унижения большего, чем сегодня, он никогда не испытывал!

Никогда не замечал в ней такого внутреннего стального стержня, но он, оказывается, в ней был. Так окатить его пре-

зрительным холодным взглядом, парой слов опустить в дерьмо, да так, что ему дышать стало трудно… Так говорить с мужиками – это надо уметь.

Что ж, она явно не из робкого десятка, мать ее раз так!

Царица!

Раньше это он ее в шутку так называл.

В первую их встречу она ему очень хмурой показалась, а ему такие женщины все равно, что вызов на дуэль. Вот он этот вызов и принял.

Развлекал, шутил. А когда назвал ее «Царевна Несмеяна», она ему в ответ:

– Пусть так, зато, в будущем, царица!

Этим, наверное, она его и покорила. У него еще тогда в мозгу что-то щелкнуло, что такие женщины раз в жизни попадаются. Снаружи холод, а внутри такой жар, что как бы самому не сгореть.

А сейчас он ее ни Маришкой назвать не может, ни царевной. Царица, ей сейчас больше подходит и по статусу, и по жизни.

В тот момент, когда она сказала, что они поедут к Илье, то есть к ним домой, он думал, что это такая издевка изощренная, что еще впереди и скандал, и все остальное. А оказалось, что она всерьез. Взяла свои вещи, дала несколько указаний своим помощникам, и пошла к лифтам.

Он охренел, то ли от радости, то ли от шока, фиг разберёшь. Но она ж прет вперед, как ледокол, он себя рядом с

ней букашкой ощущал, и такое ему не нравилось.

Она не спрашивала у него, на машине он или нет, просто спустилась с ним на подземную парковку офиса, где их уже прямо возле лифта встретил ее водитель. Учтивый до оскомины в зубах, взял из ее рук портфель и поинтересовался, куда они едут:

– Домой, Вася, на сегодня все.

– Ну и хорошо, Марь Сана, ну и правильно.

Они подошли к автомобилю и Костя себе сделал заметку, что надо бы выяснить обо всех счетах, уровень дохода, налогах, одним словом все, что касается финансов матери его ребенка. Ездить на Mercedes-Benz E200 прошлого года выпуска с водителем, это не просто показуха или подтверждение своего статуса перед другими воротилами.

Точнее и это тоже, но, в первую очередь, такие машины покупают для себя, для своего собственного комфорта. И, если эта женщина может себе позволить одевать дорогие шмотки и туфли от Сальваторе Феррагамо, оплачивать водителя, который тоже носит отнюдь не самый дешёвый костюм, то ему, Косте, надо бы знать, как так вышло, что он не пересекался с ней за восемь лет ни разу.

Круг достаточно умных и находчивых воротил он и так прекрасно знал, можно сказать, знал всех, если не в лицо, то явно слышал о каждом. О ее компании он слышал, но по работе не пересекался, и, насколько он помнил, там руководил мужчина, Андрей Разецкий, цепкий скотина, хваткий.

А тут еще один сюрприз, Руслан ему все же дал пару документов почитать, и он в очередной раз потерял дар речи, когда увидел, кому на самом деле принадлежит пятьдесят один процент пакета акций «Reduction company».

У него руки зачесались, так захотелось придушить ее к чертовой матери!

Столько лет… Он теперь уверен, что Марина давно его нашла, но молчала. Скрывала. Специально не пересекалась с ним.

Злости нужно дать выход, но бл*дь, возможности нет, а устраивать очередную словесную перебранку, себе дороже. В конце концов, у нее и вправду были причины.

Но если представить, что Илья бы не захотел его найти, Костя бы никогда о сыне так бы и не узнал. В этом он был уверен на сто процентов.

У него руки трястись от ярости начинали, стоило только представить, что все могло быть по-другому.

Возвращаясь к материальным благам и тем взглядам, что Марина на него бросала, так смотреть сверху вниз на человека, что выше тебя на голову, тоже нужно уметь, он опять себя чувствовал той жидкой субстанцией, что плавает в фаянсовых изделиях.

А водитель то, какой вежливый, но любопытство скрыть свое не смог, поглядывал внимательно в зеркало заднего вида и рулил уверенно и спокойно.

– Марь Сана, Савелий Петрович звонил.

– Что хотел?

– Не знаю, сказал не срочно, потом перезвонит.

– Ну, если сказал, значит, перезвонит, – женщина уверенно кивнула, и опять вернулась к просматриваемым бумагам, но спросила, чуть погодя, – А чего он тебе звонил?

– Дык, к Вам, сказал, дозвониться не смог.

– Да? Если опять позвонит тебе, ты мне сразу говори.

– Как скажете, Марь Сана. В магазин нам не надо?

– Любаша не звонила, значит не надо.

Костя молча слушал, и ему все больше становилось не по себе. Опять ломались установки, опять переворачивалось его мироощущение и мнение об этой чёртовой женщине. Думал, холодная расчетливая стерва, но такая стерва не станет тепло разговаривать с наемным работником, не будет, как-то только им двоим понятно, шутить. Он этот момент улыбок их, и переглядываний через зеркало успел заметить.

Это много говорило о ней, как о человеке, но в одном он все же оказался прав: броня есть, за нее она пропускает тех, кто дорог, кому верит и доверяет. Что в очередной раз доказывает, что эту женщину в черном платье и с алой помадой на губах он не знает.

Изменилась, заматерела. Как тот бриллиант приобрела много граней, и каждая открывает для него новую сторону ее личности.

Машина замедлила свой ход, и он отстраненно заметил, что живут в центре, на Проспекте Мира. С охраной на въез-

де, которая приветливо им махнула и пропустила во двор.

Этот Вася, припарковавшись, побежал открывать перед Мариной дверь, помог выйти из машины и, взяв портфель с документами, направился к крайнему подъезду.

Марина же оглянулась на него, кинула еще один предостерегающий взгляд и, подождав, пока он подойдет к ней, двинулась уверенным шагом к своему водителю.

Он шел, но внутренне был немного заторможен.

И только сейчас в мозгу взорвалась мысль, что увидит сына. Впервые увидит! Заглянет в глаза.

И ему стало страшно! Противно так, липко. До холодной волны по позвоночнику, до рези в глазах и горького привкуса во рту.

Сразу захотелось сигарету выкурить, а может и две, выпить бы еще чего покрепче.

Они вместе зашли в лифт.

Вася нажал на предпоследний этаж, седьмой. В тесном пространстве нового лифта ему еще хуже стало, и как-то так вышло, что он посмотрел на Маришку и увидел в ней отголоски собственных страхов и переживаний, хоть и запрятал их так далеко даже от самого себя, что на некоторое время забыл о них совсем.

Пусть его сын нашел его сам, но кроме самого простого вопроса «зачем?», его волновал вопрос «как?» он этот сделал.

В Маришкиных глазах четко видел страх, что сын рас-

строится, что Костя ему может не понравиться, или все выйдет из-под контроля. Что сам Костя в ее глазах не надежный, не годный для того, чтобы стать отцом, не биологическим фактором, а именно отцом. Марина сильно нервничала,– и это было видно по тому, как тонкие кулачки сильно сжимали ручки дамской сумочки, как старательно она контролировала каждый свой вздох, как сжала зубы, но старалась не играть желваками.

Ему еще гаже на душе становилось.

Мир рухнул к чертовой матери, и дошло, наконец, что все его деньги и связи, достижения в карьере, собственное эго, ничто, пустой звук, просто пшик.

Все в этом мире можно купить, нужно только правильно обозначить цену и свою цель. Он это знал достаточно давно, уяснил, да так, что привык мерить всех одной меркой.

Баб покупал, влияние покупал, и он, и Дима. Нужные связи завязывались тоже отнюдь не бесплатно, а за определенные услуги, уступки и одолжения. За годы привык считать, что большинство людей – это ходячие кошельки, разница лишь в том, сколько в каком кошельке наличности, и в какой валюте.

Ну не было в его мире и в его жизни доказательств бескорыстия, каких-то чувств. Были, скорей, исключения из правил, он и Таню безмерно уважал за ее чувства, за тонкую душу. Но, таких, встречал мало, да и не стремился доказывать, что есть вещи, которые не купишь ни за какие деньги. Если

не деньгами платить, значит, чем-то другим.

А тут пришибло, внутренности узлом скрутило.

Мать его ребенка явно зарабатывает больше чем он, варится в одном и том же котле, знает мир так же, как и он. Обросла за годы здоровым цинизмом. И ее сын никогда и ни в чем не нуждался, кроме любви и ласки родных людей, семьи.

Костя понимал, что любовь Ильи нужно заслужить, что не купишь подарками крутыми, что вряд ли ему удастся удивить его поездкой на какой-то горнолыжный курорт, или еще что-то в этом роде. Благодаря матери, он никогда и ни в чем не нуждался, кроме отца.

Лифт давно остановился, Вася стоял возле одной из входных дверей, а Марина придерживала рукой двери лифта, чтобы те не закрывались, и тактично смотрела в сторону, пока он собирался с духом сделать шаг.

Поворот ключа в двери, и радостный голос Василия, – этот мужик и вправду начал его подбешивать:

– Мы дома!

Костя стоял за спиной Марины, практически не дыша, но, первой, в коридор выглянула женщина, лет сорока, в фартуке. Всплеснула руками и заулыбалась при виде нового лица в этом доме.

– Так у нас гости, что ж ты мне не позвонил, Вася? Я на стол уже накрыла, хоть бы сказал, что еще человек будет у нас, – она ругала, но по-доброму,– быстро подошла и поце-

ловала Васю в щеку, Марине улыбнулась, а на него смотрела с нескрываемым интересом.

– А это не наш с тобой гость, Любаша, это личный гость Ильи Александровича, вот пусть и принимает.

Марина проговорила это настолько сухо и с ощутимым холодком, что улыбка с губ женщины слетела в один миг, и Костя теперь удостоился такого уничижительного взгляда, что поразился, как еще остался стоять на ногах, а не плюхнулся на пол, мертвым грузом.

Он промолчал, но под взглядом, видимо, домработницы, разулся, и прошел следом за Маришкой.

Да, как он и предполагал, уровень ее дохода точно надо выяснить.

Двухуровневая квартира, светлая, уютная, но видно, что обставлена дорого, продумана каждая деталь.

– Мам, ты завтра на тренировку придешь? – звонкий мальчишеский голосок послышался со второго этажа, и у Кости сердце замерло, кровь от лица отхлынула и сам он, кажется, замер на месте.

Свесившись с перил лестницы второго этажа, мальчишка улыбался, но, когда, взглядом наткнулся на Костю, улыбка его пропала бесследно, и, кажется, у ребенка так же, как и у Кости спёрло дыхание.

Серые глаза смотрели внимательно, следили за каждым его вдохом, движением рук. Очень пронзительный, прямо до костей не по-детски взрослый, с каким – то тайным понима-

ем всего сущего, взгляд. Илья ему прямо в душу заглянул, увидел то, что скрыто, давно спрятано было, а он, возьми, загляни в самый темный угол.

Молчание затягивалось, они оба друг на друга насмотреться не могли. Так и застыли во времени. Илья наверху, Костя внизу.

И чем больше сын на него смотрел, тем больше его взгляд становился отрешенным, хмурым, и даже чуточку злым.

И Костя не выдержал, опустил взор, поджал губы, чтобы не ругнуться вслух. Оглянулся, пытаясь глазами за что-то зацепиться, чтобы не смотреть вверх и не видеть того самого разочарования, которое так его страшило все эти месяцы.

Куда-то незаметно исчезли Василий и его, по-видимому, жена, – Костя заметил у обоих обручальные кольца. А за его спиной, как-то тихо и безжизненно опустилась на белоснежный мягкий диван Марина.

Она на него не смотрела, глядела на сына, и Косте даже казалось, что она, взглядом с ним разговаривала. Именно глазами, не мимикой лица,– оно было бесстрастным, – ни улыбки, ни опущенных недовольно губ, морда кирпичом, как сказал бы Дима, но мордой такое лицо назвать было бы кощунственно.

Марина прокашлялась и заговорила:

– Илья, тебе лучше спуститься, это твой гость, – в голосе промелькнуло едва заметное недовольство и осуждение, но больше никаких слов она добавлять не стала.

Сын ее услышал, медленно спустился на первый этаж и замер возле лестницы на тот случай, если ему вздумается сбежать.

– Мам, я тебе все объясню… я, то есть, я хотел сказать тебе…мне…, – ребенок смотрел на мать виноватыми глазами, и торопливо лепетал, пытаясь оправдаться.

– Передо мной можешь комедию не ломать, ты должен был сказать мне сразу, я бы тебе не запретила, это целиком и полностью твое решение. Но, сейчас строить из себя застенчивого и виноватого тихоню не нужно, твой отец примет тебя таким, какой ты есть на самом деле, или он отцом тебе не станет, если принять не сможет!

Сказала, как отрезала. Парень сразу на глазах преобразился. Исчез виноватый взгляд, плечи расправились, нос вздернулся вверх, губы упрямо поджались. И вернулся тот проницательный взгляд, который у восьмилетнего ребенка быть не должен.

– Я не хотел тебя обидеть своим молчанием, честно, – он приблизился к матери, протянул к ее лицу маленькую ладошку, погладил по щеке, – Прости меня.

Марина закрыла глаза, кивнула. Молча встала и прошла мимо Кости, бросив на того хмурый взгляд, ушла наверх.

У Кости в горле встал ком, сердце бухало так, что он удивлялся, как окружающие его не слышат.

– Глупо говорить: привет, я твой папа?! Ты и так это прекрасно знаешь, – он хотел улыбнуться, говоря это, но натолк-

нулся на хмурый взгляд из-под бровей, передумал, – Я могу присесть?

– От волнения ноги не держат? – язвительно протянул сын, но махнул рукой, мол, садись если надо. – Почему так долго?

– Что долго?

– Ты долго шел к нам, я ждал тебя раньше, а потом перестал, думал, раз не идешь, значит, оно тебе не нужно.

Илья так и оставался стоять, сложил руки на груди и выжидательно смотрел на отца. Костя, в свою очередь, поражался напористому тону, уверенности, звучавшей в словах ребенка. Смотрел, впитывал в себя ощущение своего сына: его брови,– точно, как у него самого, скулы немного выпирали так же, как у Марины. Рыжие волосы, веснушки на носу и щеках. Про характер лучше промолчать, он уже понял, что сын взял от него и от матери все, что только можно.

– Мне нужно было время, чтобы свыкнуться с мыслью о тебе, подготовиться к встрече.

– Ты выглядишь не слишком-то готовым, – мальчик качнулся с носка на пятку, – Останешься на ужин? Любаша у нас вкусно готовит.

– Если мама твоя будет не против, я бы остался, – кивнул, – Ты не сказал ей, что нашел меня. Как, кстати, ты это сделал?

– Бабушка встречается с Русланом и у них все серьезно, я решил его проверить. Начал с работы, мне знакомые ре-

бята помогли, у вас айтишники, видимо, просто так деньги получают, защита не внушает доверия. Наткнулся на твою фотографию, поискал кое-какую информацию, наше с тобой сходство трудно отрицать, да и имя мама никогда не скрывала. Таких совпадений не бывает, вот и решил тебе написать.

– А от матери, почему скрывал, раз она от тебя тайн не держит?

– Не хотел волновать раньше времени, ей нельзя.

– Что нельзя? – он чувствовал себя очень странно во время этого разговора. Никак не мог сопоставить в голове слова и тон взрослого человека с видом восьмилетнего субтильного рыжего сорванца.

– Волноваться, она болеет немного. Но зря я молчал, она и так все знала, я потом еще раз извинюсь, не хочу, чтобы она злилась.

– Ты меня, зачем искал?

– Как зачем? – мальчик удивленно на него вытаращился, – Ты мой отец, я хотел с тобой познакомиться, узнать какой ты. Мама говорит, что человека без корней не бывает, но при этом с дедушкой не общается, хотя я же знаю, что она скучает по нему. Я так жить не хочу, у меня должен быть папа!

Эти его слова, такие уверенные взрослые, но произнесенные с детской непосредственностью и прямолинейностью, Костю поразили в самое сердце. Как нож кто всадил и прокручивал, проворачивал. Вот у него так в груди все отдавалось, на это «у меня должен быть папа». Ему даже сглотнуть

пришлось, чтобы голосом, взволнованную дрожь не выдать.

У него мозги, кажется, взорвались от слов сына, и руки зачесались, так захотелось его обнять сейчас, прижать к себе и убедиться, своими руками потрогать, увериться, что он настоящий, живой. И что все это реальность, его настоящее, а не какое-то коматозное виденье от того, что его машина сбила, или еще какая хрень подобная.

– Ты теперь со мной навсегда? – вдруг спросил мальчик и подошел ближе, – Больше не уйдешь?

– Я… если бы я только знал, Илья, если бы я только знал, что ты есть, я бы пришел раньше! И сейчас уже не уйду!

– Ты обещаешь? Если мужчина обещает, он должен выполнить то, что сказал!

– Так мама говорит?

– Нет, так Сава говорит, он так раз мне сказал, а я запомнил.

– Правильно Сава говорит, кем бы он ни был.

Илья вдруг к нему бросился, и у него сердце сдавило от того, каким сильным и цепким оказалось объятие сына. Костя стиснул его в ответ, но силу контролировал, чтобы больно не сделать. У него сын хоть и рослый, но какой-то тонкий, костью, что ли. И впервые, за эти два месяца, его отпустило немного. Вдохнул поглубже, ни с чем не сравнимый запах, запоминая это ощущение, запоминая эти маленькие, но уже такие сильные руки. Он, своей грудью чувствовал, как у мальчишки сердце бешено колотится, как у него самого оно

бухало о грудную стенку,– того гляди вырвется.

***

Она должна радоваться, что сын счастлив, должна, но както не получалось. Вот не получалось и все тут! Сердце на части рвалось, и слезы душили, ртом воздух глотала, а дышать все равно не могла. Не хватало кислорода, ей будто дыхание перекрыло.

Тайком подглядела, как Илья с отцом держится, и все прекрасно заметила. Чуть подрагивающие пальцы от того, что волновался ее мальчик, блестящие от сдерживаемых слез серые глаза. Попытку, за напускной серьезностью, скрыть, разлившуюся у него в душе радость от долгожданной встречи.

Она подметила все это, стоило из спальни выйти, и вернулась обратно. Не хотела их спугнуть, отрывать своим появлением их друг от друга.

Но сидела, здесь, совсем по-другому поводу.

Никогда и ни к кому не ревновала, а сейчас это гадское чувство жгло ей сердце, душу насквозь прожигало своим ядом, своей чернотой.

Так и хотелось сбежать вниз и заорать на этого, по сути, чужого ей мужика, что это ее сын, только ее!

Ненавидела себя за это, головой понимала, что реакция Ильи совершенно нормальная, что сейчас весь его мир сузится до одного человека. И разговоры будут только об отце, о его мыслях, о его поступках, а она отойдет немного на второй план. Но это не значит, что сын перестанет ее любить

или будет любить ее меньше.

Просто так будет!

Любовь, она разная бывает, и даже к родителям она разная. Марина все понимала умом, готовила себя к этому, но сердце глупое все равно рвалось, и слезы уже катились по щекам.

Ей было очень больно и радостно от того, что сын счастлив. Ради него она смирится, будет общаться с Костей нормально, не будет чинить никаких препятствий их общению, хотя самой хочется спрятать сына от всякой боли и разочарования в этом человеке.

Не верила ему. Пусть слышала, как Таня о нем отзывается, Дима считает его другом. Но она знала его другим, чем они. Она видела в нем предателя и труса, что испугался ее слов любви, как какой-то малолетка.

Он привык использовать других, за все расплачиваться деньгами, показывать, что у всего есть своя цена.

Она тоже к этому привыкла, это часть ее жизни. И она за счастье и здоровье своего ребенка готова собственную жизнь отдать. Но ему не верила.

Люди не меняются, это знала прекрасно. Прятали себя в панцири, скрывали за лицемерными улыбками настоящее нутро.

Но все же, почему-то позволила этой встрече состояться, привела его в свой дом. Для себя железно решила, что у сына появится отец и он будет у него до конца жизни, даже если

теперь сам Костя захочет уйти, у нее достаточно связей и влияния, чтобы заставить того передумать.

Вытерла слезы, пару раз вдохнула поглубже, и вышла к лестнице.

Сердце дрогнуло, а руки судорогой заломило от того, что старательно не давала себе воли сжать их в кулаки.

Они так и сидели вдвоем на диване в гостиной, рядом совсем друг с другом, говорили тихо, но у обоих одинаково сияли радостно глаза.

– Пойдем ужинать, все скоро остынет! – оба вскинули на нее удивленно глаза, будто ее не было здесь никогда. Снова, болью полоснуло, ножом по сердцу, – Илья, руки помыть не забудь.

Сын понятливо кивнул, осознал, что мать плакала, но ничего говорить не стал, ушел в гостевую ванну. Он у нее умный, знает, что сейчас не время для личных разговоров между сыном и матерью. Чувствовал по ее настроению, что отцу она не рада.

– Тебе особое приглашение нужно, чтобы пошел руки мыть или на ужин не остаешься?

– Тактично пытаешься намекнуть, что мне пора? – мужчина поднялся и подошел к ней

– Мне все равно, а вот Илья расстроится, – это мне нужно меньше всего. Я готова терпеть тебя в своем доме и в жизни, только ради счастья сына, но не больше. Ты его отец, мешать не стану, но в мою жизнь ты не лезешь никаким образом, –

это единственная вещь, о которой я прошу.

– Не лезть, в каком смысле? – его глаза зло блеснули, – Я должен знать кто ты и что ты. Из жизни Ильи я исчезать не хочу и не буду, но ты мать и я это осознаю, и, если что-то понадобится,– не важно что,– я хочу, чтобы ты обращалась ко мне.

– Не нужно больше под меня копать, Костя, – тихо проговорила, сдерживая рвущийся наружу гнев, – Иначе, получишь по рукам, довольно ощутимо. А в деньгах он не нуждается, но, чтобы не ущемлять твоё мужское самолюбие, я подумаю, как получше опустошить твой кошелёк.

– Думай.

–Мам, пап, все хорошо?

– Да, – повернулась к сыну и нацепила радушную улыбку, – Все прекрасно.

Ужин прошел в разговорах, в основном говорил Илья, раньше такой разговорчивости она за ним не наблюдала. Но, все говорил и говорил, все про себя рассказывал, не стеснялся, не зажимался, как бывало в компании новых людей, а строчил словами, как из пулемёта.

Она же еле уговорила себя поесть, сидела за столом и цедила кофе.

И несказанно обрадовалась тому, что в гостиной раздался звонок ее мобильника. Илья унесся за телефоном, любил за ней ухаживать дома, заботился, как мог.

– Это Сава, можно я с ним поздороваюсь?! – в глазах го-

рело нетерпение, и пусть за ним такого хвастовства не было, сейчас он явно хотел рассказать, звонившему, радостную весть.

– Давай в другой раз, я передам от тебя привет!

От нее не укрылся разочарованный взгляд сына и очень внимательный подозрительный взгляд Кости, и усмешку его, понимающую, она тоже подметить успела, но внимание заострять не стала. Пусть думает, что хочет, свою жизнь ради него она больше никогда менять не станет.

Вышла из-за стола и пошла на балкон первого этажа.

– Здравствуй, Сава.

– Что у тебя происходит?! – утруждать себя приветствием он не стал, сразу требовательно заговорил.

– А что у меня происходит? Вася разве не сказал? – она порадовалась, что он не видит ее лица.

– Вася мне сказал, что явился некий Константин, прямо к тебе в офис, а ты его за каким-то чертом домой потащила!

– Слышатся мне в твоем голосе ревнивые нотки, но мы оба прекрасно знаем, что ко мне, кроме нежной дружбы, ты ничего не испытываешь, так что завязывай с этой бодягой и говори, зачем звонишь.

– Марина! – голос его приобрел стальные нотки, – он отец твоего сына, но, надеюсь, ты его в свою жизнь пускать не собираешься?!

– Я что, спятила, по-твоему?! – невольно вспылила, повысив голос.

– Ладно, что ты сразу? Что там с Бумовым у вас?

– Пока ничего, проверяем, как он тот заводик приобрел. У Андрюхи чуйка сработала, так что копаем пока.

– Понял, держи меня в курсе. С Алиной что решила?

– Это сам решай, она твой человек, тебе и карты в руки.

– Кого назначишь? Татьяну?

– Сава, если я предложу ей должность, ты должен дать добро на все, что она попросит. Играть с ней в серого кардинала не выйдет, она этого не любит.

– Ну, значит, считай, что мое добро ты получила, дерзай.

– Благоденствую, – хмыкнула, – за разрешение, царь-батюшка. Еще что хотел?

– В конце недели все обсудим, и так, просто беспокоился после звонка Васи. Может, Артема к тебе прислать, ты ему объясни, что надо, он поможет.

– Пусть заходит, Илья по нему соскучился.

– Да, – в его голосе послышалась усмешка, – Именно, по крестному отцу он соскучился, себе то не ври!

– Давай потом, а? Устала, как собака.

– Потом, так потом, встречаемся, как обычно.

И, как обычно, мужчина не попрощался, просто оборвал соединение.

Этот звонок ей был нужен, чтобы собраться, не натворить дел. Сын ей не простит грубости. В кого только такой справедливый уродился? Она смирилась его общению с дедом, – ее отцом,– хотя сама с тем не общается давно. На ее запреты

он резонно говорил, что ему дед ничего плохого не делал, значит, он будет с ним общаться. Теперь Костя, с ним будет та же история. Раз он не сделал ничего плохого самому Илье, раз он не знал о существовании первого, все,– он оправдан, обвинение снято.

Сама виновата, сама так воспитала, что уж теперь то?

Посмотрим, что дальше будет.

ГЛАВА 3

Вот так вот и приходит, неожиданно, осознание, что в жизни ты добился всего, чего только мог, и пора на пенсию, ага.

Маришка, мягко говоря, охреневала: последние дни и так выдались тяжелыми, физически, и просто невыносимыми, морально, но, худо-бедно, она держала себя в руках. Старалась быть вежливой, не цедить слова сквозь зубы, скалила этой дурацкой улыбкой, а все из-за того, что отец ее сына…, как там Илья сказал: «Мама он очень одинокий человек. Мои родители должны быть счастливыми»… вот и старалась, чтобы его родители были счастливыми.

Боже, как же она устала от всего этого фарса! Никогда не было так плохо, точнее, хуже было, конечно, но сейчас, по пятибалльной шкале, ее душевное состояние приблизилось к отметке один.

Каждый день! Каждый божий день, возвращаясь с работы, домой, она обнаруживала сына в неизменной, за эти дни, компании Кости.

Каждый вечер она видела его в своем доме, и даже не могла ему выказать свое недовольство. Потому что знала, как сын внимательно вглядывается в ее глаза, следит за каждым ее вздохом и хмурится, стоит только ей показать, как же ее

все достало, и как она устала.

Если Илья начинал волноваться о ней, все,– пиши: пропало! Капанье на мозги от восьмилетнего, но чересчур умного ребенка, в течение месяца ей обеспечено,– проверено неоднократно. А в итоге, он ее доведет до такого состояния, что она согласится на все, лишь бы он прекратил бомбить ее фактами из медицины (слава интернету за них), информацией об экономическом состоянии их государства…, и медленно подведет ее к мысли о том, что отпуск в какой-нибудь арабской стране (на этот раз) пойдет на пользу именно ей.

Причем, все вывернет так, что у нее найдутся признаки хронической усталости, потом длительный стресс, и, как итог, еще и депрессию припишет. И, наверное, будет прав.

Правда, вот шутит про себя, и даже делится с кем-то тем, что у нее происходит в жизни, все же эти перемены…, они к лучшему, хотя бы для ребенка. Но, она то ведь не маленькая, не умеет так быстро приспосабливаться и меняться под обстоятельства. Тяжко ей даются совместные ужины, хоть и веселится наравне с отцом и сыном, но в душе нет радости. Так, только ревность, черная и противная, жалит сердце больно, мешает дышать.

Объективно Маришка понимала, что еще пару месяцев она будет видеть сына таким: с глазами, полными радостного ожидания, бесшабашной улыбкой на лице, энтузиазмом. Сейчас он, как никогда, стал похож на обычного ребенка, как ей говорили психологи, на «нормального». Тоже мне, деяте-

ли наук, запихнуть человека в рамки и назвать это нормой, а тех, кто в эти самые рамки не вписывается, заклеймить «асоциальными личностями».

Ее мальчик всегда был не то, что тихий, скорей несколько отстраненный, безучастный к остальным деткам своего возраста, а вот с взрослыми людьми или с детьми, старше его лет на пять, наоборот.

И сейчас она видела в своем сыне…, точнее, перестала замечать характерные для него линии поведения. Исчезла степенность в разговоре, внутреннее спокойствие, что так мешало ему учиться в обычной школе. Нет всего этого, в данный момент, но есть детская непосредственность, желание рассказать о себе отцу, абсолютно все.

Конечно, она понимала, что им нужно многое наверстать, еще столько обсудить и рассказать. Но не ревновать не могла, внутренне закипала за секунду, как только видела, как эти двое облюбовали диван в гостиной на первом этаже и с упоением, никого вокруг не замечая, увлечены друг другом, или за просмотром любимых фильмов, или еще за чем-нибудь другим. Она видела их, и сразу становилась в стойку, готовая кинуться на этого мужчину с силой, которую раньше в себе не замечала.

Какое-то время она надеялась, что у нее будет поддержка в лице матери, но та, придя в гости, на следующий день, после появления Кости, посмотрела на них несколько минут молча, а потом, повернувшись к Маришке со слезами на гла-

зах, сказала:

– У нашего мальчика есть папа, Мариша, – и обняла дочь, скрывая от внука набежавшие слезы.

Маришка, после этого, перестала что-либо понимать вообще. Ее мама, ярая защитница всех брошенных женщин, и так далее, просто растаяла, как мороженое на солнце. Это ее тоже взбесило до такой степени, что ей пришлось прибегнуть к методу трудовой терапии.

Их дом был расположен в очень удачном комплексе. Поэтому, убедившись, что мама и Любаша присмотрят за Ильей, она захватила Васю с собой, и они вместе пошли в фитнес-центр, располагающийся через детскую площадку от их подъезда.

Физическая нагрузка самое то, чтобы сбросить пар и напряжение.

Она больше предпочитала наворачивать круги в бассейне, но это не слишком-то помогало в последнее время, поэтому ей пришлось брать с собой Васю, он занимался с ней самбо. Немного агрессии, броски, захваты, страховки,– учил всему, а главное – контролю разума над телом.

Ей крупно повезло, что Сава, в свое время, «отдал» ей Васю и Любашу. Эта парочка сначала работала у него в доме, но сейчас тот, вроде, перестал нуждаться в дополнительной обслуге, и, когда Илье исполнилось три года, у них в доме появилась супружеская пара, которая помогала им существовать, в принципе.

Вася мужик хороший, умный, но простецкий такой,– что думает, то и говорит. Правда, за последнюю неделю, так же, как и она, научился держать свои мысли при себе, короче, стал фильтровать базар. Не ей жаловаться!

Сорок минут на матах в спортзале, полчаса в бассейне, и они топают домой.

Схема, отработанная за неделю и проверенная.

Костя у них на ночь не оставался, тут Марина встала насмерть, еще чего не хватало. И так, как бульдозер в их жизни, хватит с нее!

Мама улетела к себе домой, как только Костя покинул квартиру. По сути, ее мама еще о-го-го! Красивая, заводная, домашняя! Маришка была очень рада, что как-то в ее жизни появился мужчина, с которым она вновь сияет счастьем.

Любаша ушла в их с Васей спальню,– живут они в двух комнатах на первом этаже. А вот Илья, к сожалению, поджидал появление матери на кухне со стаканом теплого молока и печеньем.

Мариша тяжело вздохнула, бросила спортивную сумку на диван и направилась к сыну в кухонную зону.

Губы растянулись в ласковой улыбке сами собой. Как тут не улыбаться, если сын, тяжко вздохнув, посмотрел укоризненно из-под бровей, налил еще один стакан молока и ближе придвинул к ней тарелку с имбирным печеньем. Невозможно же не улыбаться!

– Мам, почему все так? Я думал, мы одной семьей будем, –

сын говорил тихо, но ей и так было слышно каждое его слово, и то, как ему трудно правильно подобрать слова, – Ты на меня обижаешься?

– Нет, милый, нет, – замотала головой и, обойдя барную стойку, за которой они сидели, прижала сына к себе, – Но не бывает так, чтоб чужой человек стал родным за неделю.

– А мне стал, я уже не представляю, как мы сможем жить без него, как я смогу!

– Тебе и не придется, – она заглянула сыну в глаза, – Почему ты так думаешь?

– Мам, ты же убегаешь! – он оттолкнул ее руки и посмотрел обиженно, – Убегаешь каждый раз, когда он приходит, а я не хочу выбирать между вами! Я понимаю, что для тебя… он просто Костя…бы-бывший л-л-любовник, но для меня он папа.

Этого она боялась больше всего, что будет такой разговор, и что Илья разволнуется так, что начнет глотать буквы и заикаться от страха, но уже не за нее, как раньше было. Теперь ему просто больно от ее поступков.

У самой слезы навернулись, и было трудно их сдержать. Ком в горле, и сердце так сильно сдавило.

Подошла ближе к сыну, присела на корточки, чтобы смотреть ему в глаза было удобней.

– Постарайся понять меня правильно, ладно? Я не спорю, что он твой папа, и что вам нужно многое наверстать, ведь он пропустил восемь лет твоей жизни. Только попро-

буй встать на мое место, пожалуйста! – взяла прохладные руки сына в свои ладони, легонько сжимая пальцы, – Я ему не верю, но стараюсь вам не мешать, Илья. Даю вам столько времени, сколько могу, чтобы вы привыкли, выработали какой-то план, как будете общаться дальше. Но, мне тяжело, понимаешь? Ты мой сын, и я привыкла делить твое внимание только с самой собой…

– Но мама, я тебя люблю, как и прежде! И… и тебе просто нужно привыкнуть к нему, я понимаю, – мальчик кивнул, выдернул руки из материнских, и обнял ее лицо, – Только, пожалуйста, не заставляй меня больше выбирать между тобой и им, если тебе так трудно видеть его сейчас, то представь, что будет дальше. Нужно привыкать, а не бежать.

Маришка могла только кивнуть и уткнуться мальчику в шею, пряча слезы.

Думала, что поступает правильно, хотела, как лучше, а вышло, как всегда.

Снова накатила волна усталости, захотелось лечь в кровать поскорей и уснуть.

Они с Ильей еще посидели на кухне, болтали.

Хотя, будет правильней сказать, болтал Илья, рассказывал про Костю. Каким спортом тот занимался в школе, любимые предметы, друзья, близкие.

Марина знала, что произошло с его родителями и братом, сочувствовала его утрате, но, по правде сказать, его горе никак не затронуло ее сердце, совершенно. Иногда, слушая сы-

на, она спрашивала себя, как так вообще получилось с их жизнями? Почему? За что? Ответа, конечно же, не было, но вот вопросы душу теребили все равно.

Илья, из-за отца, даже пропустил свое занятие по скайпу. Ее сыну легко давались иностранные языки. Уже бегло говорил на испанском, французском, английский вообще не считается, и теперь начал осваивать арабский, и китайский. С самого детства он был слишком развит, усидчив и предпочитал книжки любым игрушкам.

С языками вышла вообще интересная история.

Года четыре назад у нее была командировка во Францию, они продавали завод по переработке цветных металлов французам, и так тогда складывались обстоятельства, что Илья даже на работу ходил вместе с ней, не мог отойти от матери далеко, боялся. Пришлось ехать вместе с ним. Там и выяснилось, что, наблюдая, как их переводчик разговаривает с его мамой, а потом красивым дядям говорит что-то непонятное, ему стало интересно. Он прислушивался, анализировал, сопоставлял слова мамы и перевод на другой язык. За неделю нахватался многих слов, и хоть и коряво, но начал что-то говорить.

Их заказчик, услышав такое дело, посоветовал Маришке найти носителя языка, который будет учить мальчика именно разговорному французскому. По приезду домой она этим и занялась. Правда, ездить куда-то, чтобы Илья мог спокойно учить язык с аборигенами, не получалось. Таня предло-

жила вариант скайпа, и Марина подругу послушалась. Так и началось увлечение сына языками.

Сейчас в школе у них языковой лагерь. На летний период времени, школьники, которые желают подтянуть свой языковой навык, отправляются в специальный санаторий, и там говорят только на английском. Все, включая обслуживающий персонал. Илья тоже там с ними, но на специально оговоренных условиях. С языком то у него проблем нет, а вот в общении со сверстниками и людьми, в принципе, есть. Так что, в этом году он решил попробовать побыть в лагере. Дольше недели не выдержал, позвонил и попросил забрать.

– Мам, мне с ними не интересно. У старшаков сейчас гормоны и все дела, темы секса, бухла и сигарет, они меня тоже не интересуют. Забери меня.

Ей естественно ничего и не оставалось. Забрала.

Так у него родилась идея заняться арабским языком. Упросил ее помочь с поиском нужного человека. Наблюдая за его успехами, она, конечно, же гордилась, но у самой душа болела.

Все чаще ему скучно, не интересно. Сверстники и одногодки над ним не издеваются, но сторонятся. И у старших в школе, как он сказал, переходный возраст. Остались только друзья из других стран, знакомые из интернета, разных форумов и так далее.

В сентябре подумывала отправить его в США с Викой, у нее курс лекций там, а у него парочка друзей. Но теперь же

есть Костя, придется с ним согласовывать планы.

Гадство!

Позвонила охрана с проходной.

– Марина Александровна, тут к Вам снова Константин Барышев, мне его пускать?

– Да, пропускайте!

Мысленно сделала себе пометку, что надо бы выписать на его лицо постоянный пропуск, а сама уже вышла на лестницу:

– Сына! – позвала громко, – Ты не говорил, что папа должен прийти сейчас! Время то, уже какое!

– Мама, я не знал, он мне только позвонил и сказал, что приедет. – Илья выглянул из своей комнаты, в пижаме.

– Ладно, сам его встречай, мне переодеться надо!

А она размечталась о сне, сейчас прям, мечтайте Марь Сана, мечтайте! Так и ходила по дому в деловом костюме, успела только косметику смыть и брюки снять, как тут гости пожаловали, етить твою налево! Пришлось быстро переодеваться в домашний спортивный костюм и спускаться вниз, к гостю.

– Привет! – он заговорил первым.

– Тебе не кажется, что время позднее для гостей?

– Да, прости! Просто я завтра уезжаю и решил попрощаться лично, а не по телефону.

От него прямо несло недовольством и злостью, но Марина интуитивно понимала, что причина в таких эмоциях не они

с сыном.

– Куда уезжаешь? Надолго? – Илья уже сновал по кухне, ставил чайник, доставал чашки и заварку.

– У нас сейчас два объекта строятся в соседней области. Дима поедет в Ростов, я – в Питер. Надо посмотреть, как идут дела, проверить документацию и все такое. Недели на две, минимум.

Только Костя договорил, а из нее дыхание вышибло, и перед глазами уже другая картинка. Давно забытая, припорошенная пылью и выцветшая, но по-прежнему болезненная.

Тогда тоже была командировка.

Они нежились в постели. Потные, но неимоверно довольные от такого бурного секса, что у Маришки и, спустя полчаса, перед глазами звездочки блестели.

Нежный поцелуй в плечо.

– У меня командировка завтра, на две недели.

– Уже скучаю.

– Приеду, сразу тебе позвоню.

И снова поглаживания требовательных рук на ее груди, бедрах, стоны, поцелуи.

Она не знала, что так он с ней попрощался. Зато теперь была готова его убить к чертовой матери!

– Илюша, оставь нас с папой наедине, пожалуйста!

– Мам?! – сын смотрел умоляюще, но ее взгляд не предполагал непослушания.

Она молчала, пока сын нехотя плелся наверх, просто

смотрела на этого ирода, сжимая кулаки, и, стараясь дышать глубже, чтобы успокоиться и не сорваться на крик.

– Ты тогда тоже про командировку говорил, помнишь? Хочешь так же с сыном поступить? – голос был приглушенный, хриплый, а от впившихся в кожу ногтей стало немного легче.

– Что?! – Костя смотрел на нее непонимающе, и такому взгляду она поверила.

Хотя, саму покоробило от злости, от застарелой обиды, но ей очень хотелось верить, что со своим сыном он так не поступит.

Тогда, давно, была молодая и глупая, видела то, чего не было на самом деле. Принимала его страсть и желание за любовь, за чувства, хотя там только сплошная физика тел была, и не больше.

Сейчас же, наблюдая, как трепетно он относится к сыну, как следит и ловит каждое его слово, насколько любящим и ласковым становится его взгляд, когда смотрит на Илью, какая гордость в нем проскальзывает, верила.

Но за себя было обидно и горько. Она, конечно, была дурочкой наивной и все такое, первая серьезная влюбленность, ей весь мир в розовом цвете виделся, где уж там включить голову и подумать.

Только он даже не помнит, что сказал ей тогда. Не помнит! Зачем оно ему надо? У него таких, как она, влюбленных дурочек, поди много было, не придумывать же для каждой

что-то новое, когда есть продуманный и проверенный старый вариант?

– Марина, – он подошел к ней ближе, – послушай! У тебя есть причины не верить мне, но он все, что у меня есть! Я так благодарен тебе за него, за то, какой он! Ты…, у меня слов нет, чтобы все передать, но поверь, он дороже всего для меня!

Ответить она не успела. В дверь позвонили, и так настойчиво, что сразу стало понятно, кто так нагло может вломиться к ним, среди ночи.

Когда есть такие наглые друзья, врагов не нужно.

– Это нормально, что к вам в такое время приходят? – Костя отошел от нее, умостился на барном стуле, всем своим видом демонстрируя, что никуда не собирается в ближайшее время.

Вот ей только игры мускулов альфа самцов не хватало, для полного счастья.

У нее из головы вылетело, что Артем должен был зайти, Сава ж говорил, что пришлет его. Черт!

Илья уже сбежал с лестницы, и они с отцом стали дальше накрывать стол для чаепития.

Эти скачки ее угробят скоро, однозначно!

Открыла дверь Артему, с удовольствием оглядела того с ног до головы, кивнула, вышедшему из комнаты Васе, чтобы отнес Артёмкину ношу на кухню.

– Смотрю, у тебя тут сегодня весело? – друг выразительно

глянул на мужские ботинки на полу, – Наслышан, наслышан!

– У Ильи рот не затыкается на эту тему, знаю, но нам остается только терпеть!

На секунду прижалась к другу. Он был теплый и большой, как мишка косолапый. Ее одноклассник, с которым она просидела за одной партой больше семи лет. Он стал крестным отцом ее сына, примером для подражания, другом. И его мнение о Косте, для Ильи, будет важным и даже очень.

– Ты знаешь, я даже немного ревную. Странно, правда? – спросил, улыбаясь, Артем.

Пока друг снимал пиджак и ботинки, она наблюдала за ним. Видела темные круги под глазами, морщинки в уголках глаз. Устал.

– Ты чего так поздно? Жена твоя куда смотрит, а?

– Я ее к маме отвез, эти гормональные перепады у меня уже в печенках сидят. Ты, когда на сносях ходила, такой не была, – проворчал, – Несправедливо!

– Она тебе дочку родит, так что, – хлопнула его по плечу, ободряя, – терпи, казак!

– Ну-с! Знакомь нас, что ли, Маришка, мне жутко интересно! – хлопнул в ладони, и пошел на кухню, откуда доносился смех Ильи.

– Артем, маме нельзя на ночь пиццу есть, она потолстеет! – Илья заржал как конь, приветствуя своего крестного, важно пожал тому руку и повернулся к отцу, – Папа, – это Артем, мой крестный; Артем, – это мой папа Костя.

– Да-к мы знакомы, правда, Константин Алексеевич? Давненько не виделись! – мужчина Костину руку пожал и вроде был радушным, но Маришка, зная друга не один год, заметила, вмиг закаменевшее лицо.

– Да, знакомы. Не знал, что у вас есть крестник, Артем. Думал, не при вашей работе с детьми возиться. – Костя говорил спокойно, но сдерживал себя еле-еле, – Марина, можно тебя на секунду?

Она спокойно кивнула в сторону кабинета и пригласила его проследовать за собой. Тихо закрыла за ними дверь и повернулась к напряженному мужчине.

– Ты хоть знаешь, кто он такой? Ты понимаешь, кого к ребенку подпустила? – без лишних слов начал на нее гнать.

– Знаю, а вот вы каким образом пересекались, мне интересно! Есть что мне рассказать?

– А тебе? Господи! – провел рукой по волосам, – Крестный отец моего сына – правая рука криминального авторитета, твою мать! Чем ты думала, когда с ним связалась?!

– Это не твое дело! Все, что ты должен про него знать, это то, что для твоего сына он всегда находил время, ходил с ним в походы и на рыбалку, поддерживал меня, когда мне жить не хотелось. Он был примером для Ильи, любит его, как родного, – это главное! Точка!

– Да?! – горько усмехнулся, – А то, что они наркотой торговали, бои подпольные устраивали,– это меня не касается?!

– А ты, значит, чистенький, что ли? – презрительно скри-

вилась, – Хватит лицемерить, Костя! Не у всех есть богатенькие родители, которые по наследству детям передают огромные активы и бизнес. Кто-то всего добивается сам, и не мне тебе рассказывать, каким путем у нас зарабатывается первый миллион зеленых бумажек.

– Это ты лицемеришь, ты! Он чужих детей гробил, а твоего любит и своего тоже, наверное, это, значит, нормально?!

– С каких пор ты вдруг озаботился чужими проблемами? Раньше за тобой такого не замечала.

– Ты меня не знала раньше, и сейчас не знаешь! – рыкнул на нее, – Как ты можешь спокойно сидеть тут, и знать, что он общается с твоим ребенком?

– Пошел ты к черту со своей моралью, понял?! Он мой друг, я его знаю сто лет! И если бы не он, твоего сына бы забрали в интернат для умственно отсталых детей, ясно тебе! Тоже мне, святоша, бл*ть! Где ты был, когда твоему сыну нужна была помощь, деньги на врачей?! Сказать где?! Развлекался с очередной шлюхой! Знать забыл, что девочка Маришка могла от тебя залететь, правда?!

– Давай успокоимся, ладно? – примирительно начал.

– К черту твое «успокоимся»! Не смей обвинять людей, благодаря которым, ТВОЙ сын жив и здоров, понял?!

– Объясни мне все нормально! И не кричи, ты Илью напугаешь!

– Как же ты меня бесишь, если бы ты только мог представить, как ты меня бесишь! Вы, дети богатых родителей, ду-

маете только о себе, а те, кто из дерьма выбивается на вершину, считаете преступниками, быдлом. Так вот, я быдло, и ради здоровья своего сына такие вещи делала, что по мне тюрьма рыдает. У меня, знаешь ли, выхода не было. Когда мы Тамира хоронили, я только об Илье думать могла, как помочь, чем, каких врачей, чтобы только живой, – сама говорила, а сердце стучало-стучало, разорваться было готово, – Ты не понимаешь каково это, услышать от врачей диагноз аутизм. И плевать им было, что они ошиблись, что просто не стали париться и делать остальные тесты. Плевать! Люди вообще твари бездушные, а такие врачи, особенно! А я мать одиночка, без работы. Знаешь, они мне предложили его в интернат сдать, мол, я не справлюсь, не смогу заботиться о нем, как следует. Господи, если бы Артем нормального доктора не нашел, мы бы до сих пор…– она запнулась, не смогла этого сказать, – Каждый выживает, как может, Костя. Мы тогда могли только так. Никому в ж*пу не нужен был мой красный диплом, и мамин опыт работы. Всех увольняли, кризис, говорят. А я, после родов, два месяца с постели не вставала, мы в такой заднице оказались. Мне предложили работу, пусть нелегальную и, завязанную с такими деньгами и людьми, что дурно стало, но у меня на руках был сын и мать. Артем мне пообещал, что как только я захочу уйти, я уйду. Слово свое сдержал, и держит до сих пор! Так что, ты можешь пойти нах*ен со своими обвинениями и всем остальным, или можешь пойти извиниться перед человеком, заменившем тво-

ему сыну отца, и сказать ему спасибо за все, что тот делал, пока ты из одной постели в другую прыгал!

Она не торопилась смотреть на него, не хотела, чтобы он видел ее слабость, чтобы видел в ней женщину. Ей он был не нужен, ни когда это все происходило, ни сейчас.

– Почему ты мне раньше не рассказала?

– А кто ты такой, чтобы я перед тобой душу выворачивала?!

– Отец твоего сына, – хрипло прошептал, сглатывая ком в горле, – Где ты Тамира похоронила? Я у Ильи не спрашивал, побоялся.

– На Новодевичьем, – поскорей бы он уже убрался, ей время надо, чтобы успокоиться.

– Я, когда вернусь, съездишь со мной?

– Хорошо!

– Глупо просить у тебя прощения, но я прошу. Хоть это уже ничего не изменит, но ты с этим живешь давно, а я только недавно узнал, что потерял сына. И мне жаль, что тогда меня не было рядом. Ты можешь мне не верить, можешь меня не прощать за все, но теперь я с тобой, и я рядом.

– Иди к Илье, Костя, мне одной побыть надо, – устало проговорила, тайком вытирая щеку от слез.

Мужчина молча кивнул, она к нему спиной стояла и не видела, как тот сам почернел от горя, которое прятал ото всех. Не откуда было Маришке знать, что он сам себя винит во всем, что каждую минуту умирает от мыслей, от чувств.

Костя ушел. А Марина так и не поделилась с ним своей болью, и счастьем, одновременно.

Она ждала близнецов. Беременность была сложная, тяжелая. У Тамира показывали тазовое предлежание, но развивались парни нормально. Назначили кесарево, роды начались раньше. У Маришки было многоводие, и это сказалось на детях.

Тамир родился первым, и она даже не поняла сначала, что что-то не так. Ее мальчик молчал, головка была неправильной формы, врачи ей его даже рассмотреть не дали, как следует, унесли. А потом Илья появился, крикливый такой был, с самого рождения.

Это уже потом, когда искали причины появления у Тамира энцефалопатии головного мозга, Илье поставили аутизм.

У Тамира были страшные нарушения, коматозный синдром. Он прожил всего двадцать три минуты, лежал у нее на руках весь в трубках, и в иглах. Но ее убедили, что ему не больно, что он ничего не чувствует.

Она даже глазки его не увидела, и он не видел свою маму.

Худший день в ее жизни!

И самые радостные двадцать три минуты ее жизни, когда ее старший сын…, когда она держала его на своих руках, и пела колыбельную:

«Лунный свет в окошко, звёзды в небесах.

Спи, мой милый крошка, закрывай глаза.

Замурлычет ветер, как пушистый кот,

И усталый вечер, торопясь, уйдёт…»

За ее спиной тихо отворилась дверь, прерывая тихую песню, руки друга сильно сжали плечи, давая нужную опору:

– Он ушел?!

– Да!

И тогда она, через сглатываемое рыдание и слезы, продолжила петь, вместе с Артемом, раскачиваясь из стороны в сторону:

«Баю-баю, баю-баю.
Кто ты? Я, пока не знаю.
Ты родишься скоро очень.
Спи, малыш, спокойной ночи!
Спи, малыш, спи, малыш.

Ночь тебе подарит сладкий детский сон.
Как цветной фонарик, засверкает он.
Осторожно дождик, шелестит листвой.
Он не потревожит сон чудесный твой…»

ГЛАВА 4

– Пора уже решать, как действовать, и действовать ли вообще!

Стоило ей это произнести, как лицо собеседника из радушного превратилось в холодную презрительную маску, не выражающую ничего, кроме скуки к самой беседе и презрения к собеседнику.

Признаться, первое время, когда они только начали работать, такие резкие перемены в настроении ее непосредственного босса очень пугали. До дрожи, трясущихся поджилок, заикания и нервного тика, как следствие всего перечисленного. Потом привыкла, человек вообще ко всему привыкает, и она, Маришка, исключением не стала.

Поэтому сейчас спокойно сидела напротив Савы за столиком в ресторане и так же, в расслабленной позе, лениво пила, давно остывший кофе, и смотрела ему прямо в глаза.

Карие, темные, яростные глаза!

В этом человеке, удивительным образом, сочеталось несочетаемое.

Долгие годы, работая на него, именно как наемный работник по теневой бухгалтерии, экономике, незаконным сделкам с недвижимостью и предприятиями, Маришка всегда поражалась ему.

Савелий Петрович Шахов, для нее и ее сына просто Сава, для кого-то Шах, теперь уже завидный и очень удачливый бизнесмен. Но, в прошлом, владелец казино. Не только в Москве. Правда, с принятием закона о запрете азартных игровых заведений, мало, что изменилось. Просто все ушло в тень и дало возможность самой Маришке предложить, тогда еще Шаху, перевести большую часть активов в чистый бизнес, раскрутить те предприятия, бывшие владельцы, которых, оставляли эти самые предприятия ему в качестве залога, или даже, в виде оплаты карточного долга.

С Шахом, в этом вопросе, никогда не шутили, он такие шутки не понимал, а его ребята умели мастерски не только выбивать долги, но и приватизировать то, что, казалось бы, приватизировать достаточно трудно. Они с Андреем, как раз, такими делами и занимались. Но время менялось, реалии их мира, в котором они все так удачно устроились, тоже менялись, это понимала она сама, это понимал и Шах.

Вот и предложила, и даже составила предварительный бизнес-план на год. А он возьми, да согласись, но сказал, что чуть, что не так, отвечать ей.

Ох, что тогда началось?! Они с Андреем и с Артемом пахали сутками, не спали, практически не ели, она сына видела только, спящим по ночам, и то не всегда получалось домой возвращаться.

Итог превзошел все ожидания!

Шах доволен, к их работе подкопаться было практически

нереально, не зря он своих адвокатов красной икрой кормит. И они с Андреем, в благодарность, получили свободу.

Только кому эта свобода была нужна?

Оба успели сделать себе репутацию, и если бы не Сава, то кто-то другой, однозначно, взял бы их под свое крыло, и не факт, что условия их соглашения о найме были бы такими же.

Сава ценил преданных ему людей, ценил! Для него это было важно!

И их решение он тоже оценил.

С тех пор он стал для нее просто Сава, друг и старший наставник, а она, для него, верный союзник и тоже, в некоторой степени, друг.

Душу друг другу, конечно, не открыли сразу, но постепенно стали доверять настолько, насколько это вообще возможно для людей их вида деятельности.

Но сейчас Маришка смотрела на Саву, и понимала несколько простых вещей про него и про себя.

Даже, если случится так, что ее, неважно кто, и не важно, как именно, но прижмут к стенке и попросят сдать его, она пошлет их всех, куда подальше и сядет сама, но Саву не сдаст.

Он слишком для нее стал важен!

Можно было бы сказать, что он заменил ей отца, но Сава был старше ее не намного, пять лет – это небольшая разница, в принципе. Но она становится буквально огромной про-

пастью, в восприятии мира, в жизненном опыте, если он из мальчика беспризорника стал тем, кем является сейчас.

Как-то незаметно они стали друзьями, впустили друг друга в круг семьи, и с молчаливого согласия начали считать себя частью семей друг друга, доверенными лицами, внутренним кругом доверия.

И вот, исходя из всего этого, напрашивался второй, не менее значимый, вывод, но уже не про нее саму, а про Саву.

Вот сейчас вдруг ее шибануло осознанием, что что-то в нем изменилось за последний месяц. Во взгляде изменилось.

Он стал, как собака бешенная, вроде тихий и спокойный, но готовый сорваться в любую секунду от любого резкого звука или шороха, и наброситься на тебя. Вцепится зубами в горло и будет рвать, пока не убьет, пока весь не искупается в крови полностью.

У нее дрожь пробежала по позвоночнику от этой картины перед глазами.

С ним что-то происходило, а она не могла ему ничем помочь, потому что прекрасно догадывалась из-за чего, а точнее из-за кого такого мужчину может так сильно ломать на части и рвать на куски.

И все же, она отвела взгляд в сторону, предпочитая смотреть на интерьер ресторана или на Артема, который примостился у барной стойки и с все большей тревогой посматривал на их столик.

Так у них троих сложилось.

Она встречалась с Савой не реже одного раза в две недели, неизменно утром субботы или воскресенья, в его ресторане. Его специально открывали для них намного раньше принятого времени. Их обслуживали два официанта, и больше в зале никого, кроме Артема и бармена, не находилось.

Они обсуждали сначала что-то личное, и только потом переходили к делам.

Но сегодня разговор не клеился. Никак.

Маришка рассказала о переменах в их с Ильей жизнях, поделилась своими ощущениями, переживаниями, но Сава отмалчивался.

Пил кофе спокойно и чинно, но за этим показным спокойствием Маришка заметила бешеного пса, попавшего в ловушку, и сейчас готового убить любого, только дайте ему для этого малейший повод.

Попробовала говорить об их делах, но и о финальной стадии сделки по продаже банка англичанам ему было не интересно.

И фраза про то, что надо что-то решать, спустила зверя с поводка.

Он смотрел на нее, как на добычу, как на загнанного в ловушку кролика или кого-то, такого же пушистого и безобидного, которого убить не жалко, а даже полезно.

Маришке же оставалось только одно, смирно сидеть, пить кофе и не показывать, насколько сильно он смог ее напугать.

Сейчас дыхание выровнялось, сердце не стучало, а мозги

заработали в правильном направлении.

И она снова могла спокойно смотреть в карие глаза, хотя, они и казались ей сейчас практически черными.

Он выглядел безупречно. В костюме тройке, темно синего оттенка, отлично сидящего на поджарой фигуре. На смуглом лице прорезались морщины от усталости, на голове беспорядок, но смотрелся он потрясающе!

Перевела взгляд на руки,– они лежали спокойно на столе, правда сжатые в кулаки до побелевших костяшек.

Снова посмотрела ему в глаза, но уже без испуга, а уверенно.

– Я говорила о делах, а не о твоей личной жизни, – тихо произнесла, чувствуя себя при этом сапёром, который вот-вот напорется на мину, – Но если позволишь, я скажу кое-что и о твоих личных делах.

Сава кивнул, и она краем глаза успела заметить, как Артем обратно сел на свой стул возле бара. Волновался за нее. Черт!

– Твои адвокаты разведут вас в самые кратчайшие сроки, но если дождемся приезда Тани, она покопается, по моей просьбе, в этом деле, и уверена, найдет то, что поможет тебе отыскать Ирину.

Сава смотрел и слушал внимательно, но взгляд терял ясность, его ярость становилась ощутимой.

– Сава! – позвала, дернула его за руку. – Сава, невозможно, слышишь, нельзя взять такие деньги, и просто исчезнуть,

понимаешь? Бумажный след все равно останется. Мы будем искать, и найдем, Таня в этом лучшая!

– Ты ее для этого к себе заманила? – хрипло спросил.

– И для этого тоже, – кивнула, – хотела все тихо сделать, но раз такая петрушка, то…, она будет искать, найдет. Вас разведут, она не сможет отсудить у тебя и копейки…

– Да плевать мне на деньги, понимаешь, срать я на них хотел! Найду и закопаю, суку! Закопаю! – ему не было нужды орать, этот тихий и спокойный голос, практически поклялся, что убьет.

– Сава, что у вас происходит, только правду, а? – устало спросила, – ее уже задолбали эти американские горки его настроения.

– Она уезжает.

– Она всегда куда-то уезжает, человек такой, – спокойно ответила.

– Нет, ты не поняла! – горько улыбнулся, – Ей предложили прочитать полугодовой курс лекций, и контракт, и она согласилась.

– Шутишь?! – Маришка чуть кофе не захлебнулась, – Твою мать!

Сава смотрел на нее, практически, спокойно. Губы кривились в усмешке. А у нее был шок. Мысли заметались в голове со скоростью пули, одна хуже другой.

Дело в том, что любовь – штука такая странная, и никогда не знаешь, когда она с тобой приключится, и чем в итоге все

закончится.

Ее большая любовь оказалась бабником, лицемером и эгоистом.

Любовь же Савы, на самом деле, была такой, какая она и должна быть. Светлой, доброй, но при этом очень сильной, стойкой и не умеющей прощать, особенно предателей, особенно мужчин.

Марина и представить не могла, каково было Вике узнать, что мужчина, которого она так беззаветно полюбила, женат. По мнению самой Марины, ничего страшного в этом нет, если учесть, что на время знакомства самой Вики с Савой, его брак с женой был чистой формальностью. Ячейкой общества они считались только на бумаге, но это для нее, Маришки, все выглядело не так страшно, потому что Саву она знала намного лучше, но…, случилось то, что случилось.

И начались американские горки.

Гордые женщины, не умеющие прощать – это зло! Самое настоящее, особенно для провинившихся мужиков.

Она и сама такая!

Ей даже представить сложно, каково это узнать, что мужчина, которого ты любишь так, что жизнь без него уже не жизнь, вдруг оказывается женатым на длинноногой красотке, модели и так далее.

Марина сама имела возможность прочувствовать на себе весь спектр эмоций, так сказать.

Дело было за малым.

Когда в 2009 году вышел закон с поправками «О создании на территории Артёмовского городского округа Приморского края игорной зоны „Приморье “», они с Савой решили вложиться, и не прогадали.

Пусть все геологические изыскания, споры, разработка проекта самого казино, гостиничного комплекса влетело в такие деньги, что можно свихнуться от количества нулей, но оно того стоило. В 2015 году открытие состоялось, они открыли «Кристалл», яхт- клуб и еще много всего запланировано к 2017.

На этом самом открытии она вся такая красивая, уверенная в себе, можно сказать нос к носу, столкнулась с понятием ненависть в чистом, первозданном виде. Она ее прожгла и изуродовала душу на всю жизнь.

Увидеть Костю в обнимку с блондинистой дурой, у которой силикона в теле явно больше, чем мозгов…

Она все понять не могла, КАК?! Как можно променять нормальную, умную, красивую женщину, способную любить в тебе не твой кошелек, а тебя самого, променять на силиконовую куклу и быть, при этом, невозможно счастливым?!

Тот вечер она долго не могла забыть!

И сейчас, вспоминая, понимала реакцию Вики, и ее желание уехать подальше от того, кто так сильно делает ей больно, кто способен раздавить ее, уничтожить одним словом или действием.

Но вмешиваться в эту ситуацию не имела морального пра-

ва, никто не имел.

Личная жизнь Савы – это только его дело.

Они с Артемом могут быть лишь наблюдателями, советчиками, в лучшем случае, но не больше.

Она любила Вику, по праву считала ее своей подругой, одной из близких. Илья ее любил, но дать ей совет Марина не могла. Не потому, что не хотела, нет… Просто, она понимала, что не все знает, далеко не все.

Сава поделился только в общих чертах, но черт знает, что у них там произошло на самом деле.

Поэтому и молчала сейчас.

Сказала все, что должна была, сделала все, что могла для помощи дорогим людям.

Остальное решать и делать уже им самим.

Но то, что Вика решила уехать на столь длительный срок, само по себе не просто говорило, кричало о том, что ситуация зашла в тупик.

Грустно.

Ей было от всего этого очень грустно.

Но, если быть честной с самой собой, то в какой-то степени проблемы близких позволили на время отвлечься от своих собственных.

Ее дома ждал Илья. Немного грустный и печальный, но все равно, ждущий ее.

Две недели, как Костя уехал.

Две недели, как она спит спокойней, но при этом злится

на него еще больше, чем, когда он был рядом с ее сыном.

Две недели, как Илья притворяется веселым и жизнерадостным.

Две недели, как они с сыном играют друг перед другом каждый свой спектакль. Она,– что верит в его притворное веселье и не замечает, что у него пропал аппетит, что его перестали интересовать любые занятия, книги, компьютеры. А он, Илья, делает вид, что не замечает ее обеспокоенных взглядов, волнений и переживаний.

Вот так они сейчас живут.

Марина старательно скрывает свое бешенство, когда сын разговаривает каждый вечер с отцом по телефону, и его глаза снова, как прежде, загораются интересом, радостью, любовью, и все это точно не наигранное.

Как же она устала!

Но выхода, как бы не старалась, найти не могла,– не видела.

Только твердила себе, что нужно время. Ей в первую очередь. Чтобы привыкнуть, научиться доверять, перестать бояться каждого вечера, и с облегчением вздыхать, потому что позвонил, не забыл.

Она очень боялась, что Костя снова поступит, как раньше,– испугается и убежит. Она – то переживет, не в первый раз, а вот Илья, каким бы сильным и умным он не казался…, папа для него – это чудо. Чудо, самое настоящее, неожиданное, но очень желанное!

Так и жила. Вздрагивая от звонков по вечерам, а потом, ненавидя себя за ревность собственного сына к его отцу.

Жизнь превращалась во что-то невыносимое, больное и мерзкое…

– Езжай домой, Мариш, тебя сын ждет, – вдруг проговорил Сава после длительного молчания, когда они оба сидели и думали каждый о своем, ничего и никого вокруг не замечая.

– Не уверена, что мне он будет так рад, как своему отцу! – непроизвольно вырвались слова, которых она так страшилась.

Застыла, сама пораженная тем, что сказала. Сава тоже гневно глянул на нее.

– Давай-ка я тебе сейчас скажу прописную истину, моя дорогая, а ты запомнишь, хорошо?! – яростно прошипел мужчина.

Марина обреченно кивнула.

– Илья твой сын, твой! Его любовь к тебе всегда будет оставаться неизменной константой во всем мире, поняла?! Так устроены дети, они любят своих родителей, и неважно, какие они, плохие или хорошие. Да, сейчас у него появился отец, и ты боишься, ревнуешь, но запомни: от этого, любовь твоего сына к тебе не изменилась. Она лишь стала сильней, глубже, потому что, если не сейчас, то немного позже он поймет, как тебе тяжело было его растить, и как невыносимо

тебе было впускать Константина в ваши жизни. – Сава выпалил свою тираду на одном дыхании, и жадно глотнул свежий кофе, заботливо принесенный официантом, – Терпение всегда было твоей отличительной чертой характера, так что, терпи и не делай глупостей!

– Не буду говорить, что тебе судить легко об этом, но так и есть, Сава, так и есть. У тебя свой жизненный опыт не простой, но как бы я не старалась себя убедить в правоте твоих слов, страх никуда не делся.

– Такими темпами ты доведешь себя до приступа, и тогда уже твой ребенок будет жить в постоянном страхе за мать, и чувством вины, что он тебя до такого состояния довел. Ты этого хочешь?

– Нет!

– Тогда прекрати страдать херней, вали домой к сыну и проведите день вместе, за просмотром Хоббита или кого он там еще любит смотреть! – уже, посмеиваясь, проговорил друг.

– Гарри Поттера, – ответила, едва сдерживая ответную улыбку.

– Вот, точно, про очкарика с палкой, – кивнул, – Посмотрите кино, пожрите пиццу! Проведите вместе обычный, для вас, выходной день.

– Спасибо, Сава!

Маришка поднялась, улыбнулась, поцеловала друга в щеку и направилась к выходу из ресторана. За ней, тенью, уви-

зался Артем.

Они шли к парковке, где вокруг машины нарезал круги Вася.

Раннее утро воскресенья в Москве, город только просыпался.

Слышался отдаленный шум машин на дорогах, стук ее каблуков и недовольное сопение, рядом идущего мужчины.

Вася, заметив их приближение, запрыгнул в машину, завел двигатель и вновь вышел, чтобы открыть для Маришки заднюю пассажирскую дверь.

– Ну, что ты сопишь, как ежик, Тема? – она не выдержала и остановилась, не доходя до машины, обернулась к другу.

– Ты же видишь, он на грани, понимаешь?! Все! Скоро бомбанет, и не ясно в какую сторону. Сорвется, наделает делов, а мне что потом делать?

– А тебе потом за ним прибираться, будто ты не знаешь! – резко ответила, – Вике он ничего не сделает, а если пострадает пару его должников, так сами виноваты, не нужно было под руку попадаться.

– Марин, – начал он, переминаясь с ноги на ногу, – Поговори с ней.

– Нет!

– Маришка, – недовольно пробурчал, – она же его любит!

– И что?! Это дает нам с тобой право вмешиваться в ее жизнь?! Они сами разберутся, когда придет время, мы с то-

бой знаем не все!

– Что ж ты упертая такая!

– Какая есть, другой не будет! – хмыкнула.

Вася открыл дверцу машины и, уже собираясь сесть, Марина обернулась к Артему:

– Со мной поедешь или домой рванешь? Как Валя?

– Валя еще у мамы, ей в такой жарище делать нечего, а то еще родит раньше срока, – торопливо зачастил друг. – Ай, я с тобой. С ним же сейчас все равно невозможно говорить, напьется в стельку и меня заставит, Валька злиться будет!

Они загрузились в машину, и в тишине салона каждый думал о своем, не отвлекаясь на разговоры.

Но оба думали о Саве, о мужчине, который дал им так много, стал для них, обоих, старшим наставником, другом и частью их самих. Так уж сложились их жизни, так переплелись.

Доехали без происшествий.

А дома их ждал сюрприз! Точнее, он ждал ее, но Артема он ждал за компанию.

Их, прямо в дверях, встретил слишком счастливый и жизнерадостный Илья, из кухни доносился умопомрачительный запах, а на обувной полке стояли мужские туфли, явно неподходящие по размеру ее сыну.

Сердце в пятки, дыхание сбилось на миг, а потом все обдало холодом изнутри, ледяным, замораживающим любые радостные чувства, оставляя только равномерный гул ревно-

сти.

– Мам, папа приехал, представляешь?!

Да, она представляет, отстранённо подумала, надевая на лицо дежурную радушную улыбку.

Только колени вдруг ослабли, в глазах потемнело.

Она успела заметить расширенные от ужаса глаза сына и, тенью метнувшегося к ней Артема, который подхватил ее на руки, не давая окончательно свалиться на пол.

Сава оказался как всегда прав, подумала прежде, чем потерять сознание.

ГЛАВА 5

Пара часов! Этой женщине потребовалась всего пара часов, чтобы взорвать ему мозг! Поразительный факт! Обычно, чтобы довести его до состояния неконтролируемого бешенства, нужно, как минимум, неделю устраивать ему моральный прессинг без всяких ограничений, правил и так далее. А тут пара часов, и он готов разгромить ее дорогую квартиру к хренам, побить всю посуду, и послать всех в такие дали, что самому от своих мыслей становится неудобно.

Он чувствовал себя лишним на этом «празднике жизни», как никогда ощущал себя не к месту.

Охренеть просто, нет слов, остались только маты, и то для них сил не находилось!

У него было всего два желания. Всего, мать ее раз так, два гребаных желания!

Первое,– увидеть сына! Показаться ему на глаза, прижать к себе, убедиться, что все это, на самом деле, правда.

И второе, это переговорить с Маришкой, чтобы отпустила Илью с ним на пару дней.

А теперь?

Теперь, он, бл*ть, чувствовал себя попрошайкой, приблудой, который непонятно откуда вообще взялся, и какого он еще чего-то хочет от господ, живущих в этом доме.

Все начиналось очень даже нормально, хорошо даже.

Командировка в Ростов, ничего сверхсложного там и не предполагалось. Самая рядовая проверка, какие они устраивали постоянно. Людей вообще всегда нужно контролировать, всегда! Особенно тех, кто сидит на денежных должностях. Тут главное, не дать сесть себе на шею и ножки свесить. То есть, воруют у них в стране все, абсолютно, -менталитет такой, реалии бизнеса, будь он хоть сто раз чистый, легальный,– воруют все и всё. Это даже не всегда деньги или земля, могут быть строительные материалы: сухой раствор для бетонной смеси стащит какой-то бригадир на стройке, или простой рабочий килограмм шурупов сопрет, под шумок. Народ тырит все, что криво лежит, и не из жизненной нужды, а так «чтоб было», что называется. Менталитет такой!

Поэтому, внеплановые проверки,– самое то. Неожиданно, без предупреждения приезжает большое начальство и начинается шмон объектов и документации. Очень интересно, особенно с документацией, когда бухгалтера не успевают подогнать баланс и цифры, а бригадиры вывести из запоя работяг.

Эти моменты Костя очень даже любил! Лес рубят – щепки летят, это как раз про такие ситуации.

Они с Димой давно привыкли такие наезды устраивать.

Две недели просидел над документами, спины не разгибая. Торопился.

К сыну торопился.

Ему все еще не привычно было, и страшно очень!

Впервые в жизни ему есть, что терять. Что-то настолько ценное, что ему жутко становилось только от мыслей, что он может сына потерять.

Илья.

Ему очень подходило это имя, очень!

Его сын удивительный, невероятной глубины души, ребенок! Раньше, как-то Костя с детьми не слишком-то общался, не считая брата, но тот всегда был капризным, с самого детства…, ощущалась в нем какая-то гниль, то ли от вседозволенности, что ему родители дали, то ли от чего-то еще. Но его брат, когда был ребенком, ни в какое сравнение с Ильей не шел, рядом даже не стоял.

Нет, Константин трезво оценивал свои рассуждения и допускал, что это только сейчас так: эйфория, счастье, надежда, привязанность. И никакого раздражения, злости, недовольства.

Он знал свой характер, знал себя и свое мировоззрение. Заливал все ненужное бетонной массой цинизма, считал, что в этой жизни можно если не все купить, то продать уж точно.

А тут…, как там Дима любит говорить: «мордой об стол»?! Вот и его сейчас «мордой об стол», да так, что в ушах звенит до сих пор, и звезды перед глазами летают.

Паршивое чувство, неприятное.

Возвращаясь к тому, что ж случилось. Он, действительно, торопился вернуться в Москву, к сыну. Они говорили по те-

лефону, но все это было не то, не то! Ему нужно было больше, намного больше!

Объятия, прикосновения, чтобы притиснуть к себе тощее тельце, сжать посильней и, наконец, выдохнуть свободно. Оказывается, ему теперь и дышать трудно,– когда Илья далеко, дышится не так, вообще все вокруг не так.

Не хватало рыжих вихрей, умных глаз и едких замечаний.

У него потрясающий сын, невероятный, он уже говорил об этом, но может повторить еще пару сотен раз, ему не надоест.

Нехотя, Костя признавал, благодаря кому, у сына такое воспитание, восприятие мира. Признавал, но только у себя в мыслях, вроде бы ничего страшного в этом нет, но почему-то было тяжело сказать это именно вслух, и именно Царице.

Она ж Царица, твою мать, независимая, гордая, несгибаемая! Зачем ей помощь какого-то «биологического фактора», когда она и сама со всем справиться может?!

Правильно, Царицы должны быть гордыми, и болеть тоже должны гордо! Дура несчастная! Первым делом, только приехал, рванул к ним домой, а Диме, что все в порядке, отчитался по телефону. А дома,– Илья. Радостный, счастливый, с улыбкой во весь рот и сияющими глазами. И столько новостей!

У него умный ребенок. Это охренеть, как круто!

Раньше, он как-то слышал, краем уха, про способных детей. В шахматы играют, как взрослые, олимпиады всякие по математике/физике/химии , коэффициент интеллекта высо-

кий. Слышать то слышал, но никогда не встречал. Слабо верилось, что и в самом деле есть такие дети. Все больше думал, что это реклама СМИ, попытка возвысить людей их страны, придать величия, устрашения.

Нет, он, конечно, бывал на различных научных выставках, симпозиумах, – их бизнес требовал новых технологий, новых знаний, и они с чистой совестью переманивали к себе юные дарования, но они именно юные, лет 17-18 и больше, но уж никак не восьмилетние мальчики.

А тут, здрасте, приехали! Получите, – распишитесь!

Несколько языков, развит не по годам, любит пофилософствовать, учебные программы в своей школе перепрыгивает и опережает на годы вперед, увлекается программированием, занимается фехтованием.

Все, точка, – у него начинается взрыв мозга.

Сам Костя не владеет так свободно английским языком, как его сын.

Тут впору впадать в ступор, негодовать по поводу своего умственного развития. Он же себя дебилом каким-то чувствовал, первое время, когда начал сына ближе узнавать.

Сейчас, правда, он боялся. Таким людям, как Илья очень тяжело живется в этом мире. Тяжко!

Очень светлый человек с душой нараспашку! Всех он любит, обо всех беспокоится, для всех хочет только добра.

Жизнь таких, как он, проглатывает на раз, два, ломает, а потом выплевывает, извергает в мир, озверевших от такой

жизни, людей.

Костя боялся за Илью, очень!

Ему защита нужна, он это понимал, и даже пытался действовать на рефлексах, но одергивал себя постоянно.

Пусть его сын остается светлым в душе, пусть, но только он должен быть очень сильным и стойким, чтобы суметь сохранить этот свет, несмотря ни на что. Сам, самостоятельно! Он ему может помочь советом, подсказать, но влезать и вмешиваться… Илья это может истолковать неправильно, посчитает неверным. Пока ему это удается. Что будет дальше, они посмотрят.

Все очень устали за этот безумный день. Он, так точно. Сил не было даже на то, чтобы поднять с дивана и перенести Илью к нему в комнату, уложить в кровать.

Мальчик так и спал, прижавшись к его теплому боку. Успокоился, наконец.

У него самого от сердца отлегло, отпустило напряжение этих нескольких часов.

Осторожно вытащил свою руку из-под Ильи, аккуратно и тихо, чтобы не разбудить. Тихо поднялся с насиженного места, потянулся так, что кости хрустнули, мышцы растянулись до боли, приятной такой.

Помотал головой из стороны в сторону, чтобы прогнать сон.

Ему, возле спящего сына, тоже спать захотелось со страшной силой, но нельзя пока. И так срубило, судя по часам, ми-

нут на двадцать, и сейчас надо бы узнать, как обстоят дела наверху.

В квартире, вообще, тишина стояла гробовая.

Пошел на кухню, увидел Любовь Григорьевну. Женщина что-то готовила, тихо помешивая в кастрюльке, рядом на сковородке скворчало мясо, судя по запаху. Заметила его приближение, кивнула головой, подзывая ближе.

– Вы так уснули с Илюшей, я будить вас не стала, – тихо проговорила. – Может, кушать хотите, а то так с утра и не ели ничего, а?

– Нет, Любовь Григорьевна, а вот от кофе не откажусь, – присел на барный стул, похлопал по карманам, вытащил сигареты. – Курить то у вас можно или на площадку лучше выйти?

– Курите, ради Бога, если Вам своего здоровья не жаль, – ворчливо отозвалась домработница и поставила перед ним стеклянную пепельницу.

– Марина разве курит?

– Нет, почему Вы спрашиваете? – молча махнул рукой на пепельницу, а сам с удовольствием затянулся сигаретой. Хорошо сразу стало, хорошо. – А…, так Савелий

Петрович же курит, вот Марь Сана и держит, чтоб была дома. Звонил, сказал через пару часов приедет, а у меня как раз и супчик поспеет, и картошечки пожарю.

Неприятно резанул, по натянутым нервам, ее тон. Взбесил! Хрен знает, от чего такая реакция, но ему заорать на нее

захотелось, так, чтобы стекло задребезжало, и пепельницу эту к чертовой матери об пол херакнуть, разбить на осколки!

Конечно, ничего этого он не сделал, лишь еще раз затянулся, впуская в легкие ядовитый дым, насыщаясь темным удовольствием никотина, набивая легкие до отказа, чтобы не вздумалось тут устраивать показательные выступления.

Ну, говорила она ласково, причитала, как мать о взрослом сыне причитает, дабы не голодный был, одетый тепло.

От собственных мыслей, горечью потянуло. С чего вдруг его такое отношение Маришкиной домработницы к этому Савелию Петровичу так задело, не знал, и знать не хотел.

Пошло оно все к черту! Мысленно выматерил себя, домработницу, этого Савелия, а сам спросил:

– А где вся команда поддержки? – и язвительно так протянул, – Разбежались, что ли?

Любаша на него понимающе посмотрела и спустила молодому идиоту такую грубость и дерзость. Мужик попал, но пока еще сам этого не понял, думала про себя, скрывая улыбку от мужчины.

– Артем Артурович и Виктория Юрьевна так из спальни Марины не выходили, я им туда чай периодически ношу.

Вспомнил эту докторицу, аж передернуло его.

Стерва! Точно, самая настоящая!

Маришка, как только его увидела, сразу сознание потеряла, прямо в дверях квартиры.

Что тут потом началось! Пиз*ец полный!

Ему самому поплохело, когда она, белее смерти стала, и начала заваливаться на бок. Оборвалось что-то в груди в один миг, и пусто стало. Просто пусто, будто все внутренности разом исчезли, и мысли связные тоже исчезли. Остался только голый инстинкт не дать ей упасть на холодный пол.

Его так в жизни еще не штормило. Ни разу! Сердце бешено стучит, еле кровь успевает перекачивать. Потому что, загустела вмиг, заледенела от ужаса.

Миг ступора, а потом бросился вперед, и сам не понял, как оказался рядом с ней и Артемом.

Только Артем ее поймал, подхватил под руки и прижал к себе, ошарашенно переводя взгляд с бессознательной Маришки на Костю и Илью, у которого глаза стали огромными, и таким ужасом и вселенской тоской наполнились, что у него самого под ложечкой засосало от тревоги и страха.

Они вдвоем с Артемом перенесли ее сначала на диван в гостиной, а потом уже Артем сам, удобнее перехватив, бесчувственное тело, понес наверх. Ему только рыкнул:

– За Ильей смотри!

Вот тут-то он на сына и посмотрел внимательно, и сам чуть было в обморок не хлопнулся.

Ужас прокатился по венам, ледяной волной.

– Она же не умрет? – хрипло выдавил из себя Илья, даже не пытаясь вытереть, бегущие по щекам горячие дорожки слез, только носом зашмыгал.

Костя присел перед мальчиком на корточки, взял аккурат-

но за плечи и со всей уверенностью, на которую только был способен, заявил, глядя в напуганные серые глаза:

– У тебя удивительно сильная мама, и она не умрет! Она просто устала, вот и все, слышишь?!

– Да, – шмыгнул носом, натянул рукав кофты на ладонь и начал вытирать слезы и сопли с лица. Костю так и тянуло рассмеяться от этого жеста, но не мог даже улыбнуться. Только смотрел на сына и делился своей уверенностью, что все будет хорошо.

Тем временем, в квартиру влетел напуганный Вася, из спальни на лестницу вышел Артем:

– Вася, за Викой езжай! Я ей позвонил, она уже собирается, по дороге заедете в аптеку, если ей надо будет. Она все тебе сама скажет. И давай, по-быстрому!

Мужик кивнул, кинул взгляд на Любашу и ушел обратно в прихожую.

– Илюх, ты чего это сырость развел? Нормально все с мамкой, устала она просто. Ты ж знаешь, она у тебя трудоголик, отдыхать не научена.

Артем говорил спокойно и даже весело, но Костя видел, как мужчина весь подобрался, стал напряженным. Он сам такой же становился, когда готовился к худшему.

– Слышишь, Григорьевна, ты давай че пожрать забацай, а то ж проснется барыня, трапезничать изволит, только легкое что-нибудь!

– Уже готовлю, Тема, готовлю! – отозвалась та с кухни.

Артем обратно в спальню Маришки ушел, только захватил глубокую миску с водой и чистое полотенце.

На него вообще внимания не обратил, ясно говоря этим, что Костя в этом доме посторонний. Не то, чтобы его это особо сильно задело, но неприятно, да, стало. Как оголенный нерв кто пощекотал. Но, если еще раз сунуться к больному месту, можно и по мордасам схлопотать. Все сорок минут, что Вася ездил за доктором Викой (это ему рассказал Илья, что мамина подруга, доктор, и скоро этот доктор поедет в Америку по приглашению, читать курс лекций студентам), Илья сидел с потухшим взглядом, весь поникший. И у Кости все в груди обрывалось, в голове начинало шуметь от того, что чувствовал себя бессильным, не способным помочь своему ребенку. Он мог только утешать, и убежденно заверять сына, что с его мамой все будет в порядке.

Потом приехала эта самая Вика. Не в жизнь бы не сказал, что эта фифочка, гламурная блондинка с отсутствием интеллекта на лице, может оказаться каким-то там доктором. Но он не лез со своим мнением, права на это не имел никакого.

Это семья и друзья Маришки, и им лучше знать, как о ней заботиться.

Бесспорно, его вся эта ситуация бесила, раздражала и откровенно злила.

Не привык задавливать свое мнение и свою злость еще в зародыше.

Но, старался сохранить трезвый рассудок, не лез в чу-

жой монастырь со своими правилами, хотя мог. У него тоже связи, знакомые, деньги. По одному звонку, сюда главврача из клиники Склифосовского подогнали бы, Маришку бы осмотрели, как положено, и госпитализировали, если нужно.

Но! Вечно у него теперь появляется это гребанное «но»!

Его сын дрожал от нервного потрясения, от страха за свою маму. Илье запретили подниматься к Марине, и правильно сделали.

Ребенок периодически начинал плакать, раскачиваться из стороны в сторону и говорить, что это он виноват, что маме плохо.

Костя впадал в ярость, когда слышал этот тихий потерянный шёпот.

Хотелось рвать и метать! Убивать все вокруг! И Марину, в первую очередь! Потому, что довела себя до такого состояния! Потому, что теперь он не знает, за что хвататься и кому звонить, чтобы смогли успокоить ребенка, у него самого плохо получалось.

Как назло, мать Марины, Неля, вместе с Русланом улетела в отпуск,– срывать их с отдыха очень не хотелось.

Был еще вариант позвонить Санычу, но тот тоже далеко, только распереживается мужик, зачем ему такие страсти.

И, когда в квартиру, уверенной походкой на высоченной шпильке и в красном платье, влетела блондинка с выражением на лице «не подходи – убью, кобель безрогий», ему стало очень весело.

Илья отреагировал, естественно по-другому, что в очередной раз резануло по нервам.

Сын сорвался с дивана и кинулся в объятия этой блондинистой особи, та в свою очередь обняла его, что-то шепнула на ухо, и отступила к лестнице, ведущей на второй этаж, напоследок окатила Костю таким презрительным взглядом, что хоть бери и вешайся, ага. За ней, наверх, помчался Вася с чемоданчиком в руках и еще с пакетом из аптеки.

И все. Опять тишина накатила.

Илья вроде успокоился и, прижавшись к нему боком, затих, а потом и вовсе уснул.

Костя еще прислушивался к тому, что наверху происходит, но ничего слышно не было.

Так и просидели они вдвоём, пока Костя не вскинулся от какой-то тревоги внутренней. Что-то его толкнуло, зацепило за живое. Вот и проснулся.

А там ему снова указали на его такое совсем незначительное место в этом доме, и в жизни Ильи, в частности.

Ну и пошло оно все к *беням, плевать на мысли и на отношения этих людей! Ему не четырнадцать, и он не барышня нежного возраста, чтобы обращать внимание на такие вещи!

Задевает, да и х*ен с ним, что поделать!

Главное, что он сам никуда исчезать не планирует, и, даже если, метлой поганой погонят, он им всем фигу сложит,– продемонстрирует славную фигуру из трех пальцев,– и пошлет к чертям.

Это его сын! И это мать его сына, и, как бы он к ней не относился, не может оставаться в стороне и просто наблюдать, как эта чокнутая загоняет себя в гроб!

Они поговорят, еще как поговорят! И, если потребуется, он будет тут сутками торчать, но узнает, что происходит, на самом деле!

Из-за простого обморока, такую панику не поднимают. Из-за простого обморока, взрослый мужик не станет прятать трясущиеся руки. Костя заметил, все разглядел, когда Артем вниз спускался.

Они что-то скрывают, и он хочет знать, что именно.

Илья обмолвился, что у мамы такое уже было.

Давно, правда, но было.

И Костю озноб прошил от того страха, что затаился в голосе сына.

Мелькнула мысль, что Марина и в самом деле может умереть. Страшная мысль. От нее все заледенело, зазвенело яростью в груди. Воздуха стало не хватать.

Но от обмороков не умирают, ведь так?!

****

Если сильно болит голова, значит, она еще жива. Уже что-то хорошее.

Открыла глаза, медленно, чтобы яркий свет не резанул резко, чтобы не до слез. Слезы – это последнее, что ей нужно.

Боль была невыносимой, хотелось стонать от нее, но держалась. Не при свидетелях. В груди жгло, горело, дышалось

тяжело.

– Очнулась? – ехидно так, противно спросила подруга, склонившись над ней.

– Голова кружится? Тошнит? Что?! – Вика требовательно заговорила, хорошо хоть не орала во всю глотку, эта может так взреветь, что стекла сыпаться начинают, – Ну?!

– Маришка, ты бы ответила, а то наш доктор скоро будет злиться!

Артем вольготно расположился на прикроватной софе. Вика же сидела на кровати, и держала Маришкино запястье, отсчитывая удары сердца, и смотрела на свои наручные часики.

– Пульс учащенный, бледная, как покойник. Пить хочешь?

Во рту, и в самом деле пересохло, пить хотелось дико. Язык свинцом налился, не могла и слова вымолвить.

Артем дал ей стакан воды.

Боже, как же вкусно! Вода, но такая вкусная!

Сделала еще глоток, но под пристальными взглядами этих двоих, вода в горле, комом встала.

– Чего пялитесь, изверги? – прохрипела, – Илья где?

– Илья твой с папашей, не ссы! – пролепетала Вика, – А вот ты, моя хорошая, меня задолбала!

– Начинается! – хмыкнул Артем.

– А ты вообще рот закрой и не вякай! – и ему прилетело, – Марина, дура ты безголовая, сколько раз тебе говорить,

что не с твоим здоровьем пахать, как папа Карло, надо. Мера должна быть, мера, понимаешь? Ты себя в гроб загонишь! На себя плевать, так о сыне подумай, с кем он останется, случись с тобой что? С малахольным этим, что ли?

– Так, мать, ты чего разошлась?! – Тёмыч хлопнул в ладоши и потер ладони, – Ты давай без криков,– крестника напугаешь, сама будешь успокаивать. А то, что отец у него …, так и скажи, что понравился, он смазливый!

– Я тебе сейчас по роже дам, вот жена то порадуется, да?!

– Прекращайте этот балаган, и так башка трещит, – тихо заметила.

– Тебе по-хорошему надо бы недельку полежать и проколоться витаминчиками, глюкозой. У тебя нервное истощение, и не мне тебе объяснять, чем это может грозить с твоими-то проблемами.

– А конкретней можно? Что за проблемы такие?

Вкрадчивый голос и тон нового персонажа этого театра абсурда заткнул всех разом. Вика, молча отвернулась от двери и многозначительно смотрела на Маришку, скрывая ехидную улыбочку, Артем просто весь подобрался, недобро глядя на, заглянувшего в спальню Костю.

Маришка же… она сама понять не могла, почему ей вдруг стало спокойно. Просто нахлынуло какое-то абсолютное спокойствие и понимание мира. Бывает такое у людей, как благодать свыше, понимание сокровенного и тому подобного. Вот и с ней, в тот момент, от вкрадчивого голо-

са, требовательного прокуренного, от тревожных глаз, случилось нечто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.